

Людмила
МАРТОВА

*Настоящая
любовь
не оправдает
подлость...*

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

СТЕРЕТЬ ИЗ ПАМЯТИ

Людмила Мартова
Стереть из памяти

© Мартова Л., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Памяти моего мужа.
Спасибо, что ты был.

Все события вымышлены,
любые совпадения случайны.

Ли́ка сидела на лежаке у бассейна и задумчиво смотрела на танцующие по воде блики. Лето в этом году было таким теплым, что если закрыть глаза, то вполне можно представить себя в турецком отеле, да и с открытыми глазами привязку к местности выдают лишь сосны вместо пальм. А так обычный курорт с обязательными атрибутами: бассейн с подогревом, лежаки на деревянном настиле, два джакузи с всегда горячей бурлящей водой, коктейли, принесенные из находящегося за спиной ресторана, взрослые в белых банных халатах и визжащие дети в разноцветных надувных кругах. Лето. Отпуск. Курортное счастье.

Ну да. Даже название это подтверждает. Этот район называют Сестрорецким курортом. За соснами вперемешку с лиственными растениями, подтверждающими принадлежность к южной подзоне тайги, в которой, собственно говоря, и располагается город Санкт-Петербург, плещется море. Волны Финского залива с шумом набегают на берег, громко кричат чайки, пахнет соснами и летом... Запах был таким знакомым, что у Ли́ки немного щипало в глазах и носу. Как же она, оказывается, соскучилась.

Когда-то давным-давно, фактически в прошлой жизни, она проводила здесь, в Сестрорецке, каждое лето. Разумеется, не в отеле «Зеландия», который открылся после реставрации в 2001 году, за два года до того, как Ли́ка была здесь в последний раз, а в доме бабушки и деда, располагавшемся недалеко от «Зеландии», среди таких же старых дач в проулке, имевшем выход на тот же пляж.

Бабушка продала дом и уехала отсюда после смерти деда, родившегося и выросшего в Сестрорецке и полностью обустроившего свой фамильный дом. Отличный военный инженер, после отставки работавший на Сестрорецком инструментальном, бывшем оружейном, заводе, он все-все умел делать своими руками.

В доме, построенном в самом начале двадцатого века, были оборудованы «удобства», чтобы не бегать по нужде во двор, и проведено водяное отопление, работающее от дровяного котла. В сильные морозы дед топил большую изразцовую печь, но летом,

когда Лика приезжала на каникулы, в этом, как правило, не было нужды.

Еду готовили на плите, подключенной к баллонному газу. А в жаркие дни спать можно на летней веранде, и такие ночи Лика любила больше всего. Развевались от малейшего дуновения ветра легкие кисейные занавески, норовящие улететь в приоткрытое окно, в котором виднелся кусочек звездного неба. В начале лета, в сезон знаменитых белых ночей, на нем мало что рассмотришь, но к концу августа, когда до возвращения домой оставались считанные дни, ночи становились, как им и положено, темными, и маленькая Лика перед сном искала на небе Большую Медведицу. Правда, найти ее удавалось нечасто, ведь августовские ночи были уже холодными, предосенними, и спать на веранде ей обычно не разрешали.

По узкой улочке, фактически тропинке, виляющей между дачами, можно было выбраться на Пляжную улицу, по сути променада, ведущий вдоль пляжа, а потом пройти через песочные дюны с вцепившимися в них корнями старыми соснами и оказаться собственно у моря, слишком холодного, чтобы купаться в нем больше нескольких раз за лето. Под соснами росло много черники, и Лика вместе с друзьями (на лето сюда съезжались толпы детворы) вволю объедалась сладкими сочными ягодами, чернящими рот.

Воспоминания о детстве, проведенном в Сестрорецке, были одними из самых ярких и счастливых за всю ее тридцатишестилетнюю жизнь, вот только обрывались они одним днем, точнее одной темной, дождливой августовской ночью. Той самой ночью, когда умер дед.

Лика знала, что это она нашла его мертвым на пляже, по рассказам взрослых, но то, что предшествовало этому печальному обстоятельству, стерлось из памяти, вход в закоулки которой прочно закрывал большой тяжелый валун. Сдвинуть его не получалось ни самостоятельно, ни с помощью врачей. В том последнем дне дедовой жизни в памяти Лики зиял большой черный провал.

Заглядывать в него бабушка категорически запрещала, потому что любые попытки потревожить прошлое приводили к тяжелой панической атаке. Лика начинала задыхаться, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег Финского залива рыба. Ее била крупная дрожь, в особо тяжелых случаях переходящая в судороги, после чего она закатывала глаза и падала на пол в глубоком обмороке, а после выхода из него несколько часов лежала обессиленная, с бьющимся в бешеном ритме сердцем.

Из-за этих приступов в старших классах школы ее считали не совсем нормальной, да и в студенческие годы тоже. Еще у Лики иногда бывали странные то ли сны, то ли видения, в которых ей чудились всполохи молний, разрезающих небо над Финским заливом и освещающих пляж, покрытый пеленой дождя. Эта пелена скрывала что-то важное, и каждый раз, когда приходил этот сон, Лика силилась рассмотреть, что именно за ней прячется, но неизменно просыпалась раньше, чем удавалось сорвать эту завесу.

Бабушка запрещала ей об этом думать, пичкая внучку на ночь отварами из успокаивающих сборов. Те шли в довесок к седативным препаратам, которые Лика принимала по предписанию врачей. И назначенная ей терапия действовала, потому что она видела тревожащие сны все реже и реже.

Годам к тридцати она, кажется, совсем успокоилась, по крайней мере, дурные сны теперь навещали ее не чаще раза в год. Вот только воспоминания о детстве, в котором был жив дед, водящий ее на экскурсии по Сестрорецку, придуманные специально для Лики и ее друзей, вызывали все более сильную ностальгию.

Ей ужасно хотелось вернуться в Сестрорецк, чтобы снова увидеть их старый дом, по тропинке выбежать на променаду, сорвать чернику под соснами в дюнах и очутиться на пляже, зайти по колено в холодную, желтую от цветущей пыльцы воду, покрошить хлеба настырным чайкам. Вот только бабушка категорически запрещала совершать попытку вернуться в прошлое, убежденная, что это отрицательно скажется на Ликином здоровье.

Минувшей зимой бабушка умерла. Просто не проснулась утром, и в этой естественной смерти восьмидесятипятилетней женщины не было ничего необычного, однако последняя ниточка, ведущая в детство, разорвалась, а еще препятствовать ее поездке в Сестрорецк стало некому. Мама и папа не понимали, зачем ворошить прошлое, но не сопротивлялись. Езжай, раз хочется. И Лика, купив билет на поезд, приехала в обожаемый до слез и дрожи Санкт-Петербург, в котором не была двадцать лет.

Поселившись в мини-отеле неподалеку от Невского проспекта, пять дней она просто бродила по улицам, млея от счастья, сходила во все возможные музеи, покаталась по каналам, посидела в нескольких ресторанчиках на крышах, а потом уехала в Сестрорецк, где на целых две недели арендовала неприлично дорогой номер в загородном клубе «Зеландия».

Бабушкин и дедушкин дом, в котором она выросла, давно продали, друзей, к которым можно было бы попроситься пожить, за двадцать лет не осталось, да и не хотела Лика никого обременять, решив, что вполне может себе позволить не экономить на собственном отдыхе.

Будучи финансовым директором в крупной строительной компании, она неплохо зарабатывала. Столько и не нужно одинокой женщине, живущей в провинциальном областном центре и далекой от гламурного образа жизни. У нее была своя двухкомнатная квартира в комфортном микрорайоне «Зеленый город», вполне приличная машина, возможность носить ту одежду, которая нравится, есть то, что ей хочется, и отдыхать там, где интересно.

В этом году ее интерес распространялся на клуб-отель «Зеландия» и Сестрорецк, а потому цена отпуска особого значения не имела. Перед самой поездкой Викентий кинул ей на карту сто тысяч, сопроводив перевод-подарок сообщением «на рестораны». Подарок Лика приняла, поскольку это являлось компенсацией за то, что отправится в отпуск одна.

Генеральный директор ее фирмы, а по совместительству Ликин любовник, Викентий Леонтьев был давно и прочно женат, и если в начале их романа Лику это обстоятельство огорчало, то за шесть лет их отношений огорчение растворилось в бытовом комфорте. Работать вместе с Викентием, проводить время в ресторанах, получать цветы и пару раз в год выбираться куда-то вдвоем было интересно и имело привкус праздника. Жить вместе, готовить обеды и ужины, стирать рубашки и слушать храп по ночам Лика не хотела. Или за шесть лет убедила себя в том, что не хочет.

– Я постараюсь приехать к тебе на пару-тройку дней, – пообещал ей Викентий, сажая в поезд на вокзале. – Больше не получится, сама понимаешь.

– Понимаю, – легко согласилась Лика. – Больше и не надо.

В ее путешествии, картой которого служили детские воспоминания, Викентий ей был не нужен.

Из номера своего отеля в Питере она выписалась в понедельник в районе полудня, в половине второго была в «Зеландии», убедилась, что бронированный номер уже свободен, разложила вещи, переоделась и теперь полулежала у бассейна, лениво наблюдая за окружающими людьми и пытаюсь сформулировать внутренние ощущения. Что-то ее страшило.

Неуютное чувство тревоги появилось, когда ее такси только въехало в Сестрорецк. Смотреть на сильно изменившийся, но все-таки узнаваемый город было так невыносимо, что Лика даже глаза закрыла и открыла только тогда, когда такси остановилось перед первым шлагбаумом, преграждающим вход на территорию, где располагалась «Зеландия».

Сидящий в будке охранник шлагбаум открыл, и такси покатило дальше. Вокруг за высоченными заборами стояли современные, совсем незнакомые особняки. Деревянных дач из ее детства, кажется, больше не существовало, и сердце вдруг забило быстро-быстро, и Лика задышала открытым ртом, стремясь предвосхитить

возможную паническую атаку. Может, права была бабушка? Не надо ей было сюда приезжать?

У второго шлагбаума, ведущего собственно на территорию отеля, такси остановилось. Въезд туда был запрещен, и от стоянки до входа пришлось идти пешком, катя за собой чемодан, подпрыгивающий и гроыхающий на мощенной камнем мостовой. Впрочем, идти совсем недалеко, метров пятьдесят.

Уходящая вдаль дорожка тянулась к кованой калитке, ведущей на променад. Там шумело море, и Лика, внезапно отчаянно струсив, быстро нырнула в дверь отеля. На стойке ресепшена дежурили две женщины: одна молодая, лет двадцати пяти, а вторая – дама хорошо за сорок, со следами былой красоты на лице.

– Ой, Эльмира Степановна, у меня опять не получился ваш замечательный пирог с мясом, – говорила молодая. – Начинка сухая. Папа съел, конечно, но я же видела, что ему просто не хочется меня расстраивать.

– Не переживай, Иринка, у меня послезавтра будет выходной, я испеку пирог, такой, как любит твой папа, и вам занесу. Договорились?

– Приходите, конечно, я всегда вам рада, и папа тоже. Но вы ведь научите меня, как правильно, да?

– Конечно, научу, моя девочка. Просто в фарш перед обжаркой нужно обязательно добавлять воду. Здравствуйте, вы к нам? Номер заранее бронировали?

Последнее относилось уже к Лике.

– Да, конечно, – ответила она, протягивая паспорт.

– Ковалева Гликерия Павловна. Рады видеть вас среди гостей «Зеландии», – дежурно улыбаясь, сказала женщина, которую звали Эльмирой Степановной. – Надеемся, что ваш отдых здесь будет незабываемым.

– Я тоже на это надеюсь, – согласилась Лика.

За десять минут ее зарегистрировали, рассказали правила внутреннего распорядка, показали, где проходят завтраки, где

находится бесплатная баня по-черному, а где платный спа-салон с весьма приличным набором процедур, выдали электронный ключ и проводили в номер, расположенный на первом этаже. Окна выходили на бассейн, и его отливающая бликами гладь манила к себе так сильно, что Лика поспешила туда, решив не пропускать ни минутки возможного отпускного удовольствия.

Вволю наплававшись в бассейне, вода которого, как она теперь знала, была теплой круглый год, она завернулась в прихваченный из номера пушистый халат и уселась поудобнее, думая о том, с чего бы начать путешествие в прошлое. Сходить к их старому дому и попробовать упросить жильцов, чтобы ее пустили внутрь? Пройтись по Парковой улице, чтобы понять, насколько сильно тут все изменилось? Найти прокат велосипедов и проехаться до реки Сестры? Поискать чернику в дюнах? Сходить к морю?

От последней мысли по рукам и всему телу побежали мурашки, как будто Лика внезапно замерзла. С пляжем было связано что-то плохое, вот только она совершенно не помнила, что именно. Психолог, с которым Лика проводила еженедельные сеансы, говорила, что все ее проблемы и страхи уходят корнями в детство, и, пока она не разберется с ними, вызвав из подсознания живущего там зверя, они так никуда и не уйдут.

Правда, так, наверное, говорили все психологи, берущие по шесть тысяч рублей за сорок пять минут компьютерного сеанса. Все мы родом из детства. Это аксиома, не требующая доказательств. И совершенно необязательно иметь какого-то особенного зверя, мешающего теперь строить личные отношения с людьми. А пробелы в памяти связаны лишь с сильным аффектом, вызванным смертью деда. Лика его очень любила.

Перебороть себя и сходить на пляж? Психолог утверждала, что всегда надо делать то, чего боишься больше всего, иначе через год перестанешь выходить из комнаты. С пляжем был связан сильный страх, значит, надо встать с лежака, сходить в номер, переодеться и отправиться в то место, которое ее так пугает.

Лика была хорошим менеджером, достигшим высот в карьере благодаря силе воли и характеру, а потому она решительно отправилась выполнять свой план борьбы со страхами. Натянув белье, футболку с джинсами, толстовку и мягкие парусиновые тапочки, которые легко можно скинуть с ног на песке, она повесила сушиться купальник, убрала халат, кинула в небольшой рюкзак пластиковую карточку, заменявшую ключ от номера, и бутылочку с водой, нацепила на нос темные очки и вышла в коридор.

В отеле стояла тишина. Толстый ковролин глушил звук ее шагов. На стойке ресепшена, еще не видной из-за угла, девушка Ирина разговаривала по телефону.

– Папуль, ты позавтракал? Да, я сегодня на сутках. Приду только утром. Пап, Эльмира Степановна обещала послезавтра пирогов напечь и принести. Ты же не против? Пап, да вовсе я не сводня. У нее просто отличные пироги, почти такие же, как были у мамы, и я под ее руководством хочу поднять уровень своего мастерства. Вот и хорошо. Все, пока. Я тебя целую.

Лика уже спускалась по мраморным ступенькам, ковролин кончился, и Ирина обернулась, нацепив на лицо дежурную улыбку.

– У вас все в порядке? Осмотрелись?

– Да, все хорошо, – тоже улыбнулась в ответ Лика. – Пойду погуляю.

– Хорошего дня.

Выйдя из дверей «Зеландии», Лика повернула направо и по каменистой дорожке дошла до резной калитки, за которой открывался променад. Положив руку на кованую скобу ручки, она на мгновение зажмурилась, а потом сделала глубокий вдох и шагнула наружу. Туда, где почему-то жили ее страхи.

Серый асфальт променада, называемого Пляжной улицей, уходил налево и направо. «Налево пойдешь – коня потеряешь, направо пойдешь – жизнь потеряешь, прямо пойдешь – жив будешь, да себя позабудешь». Слова из какой-то детской сказки вспомнились сейчас так отчетливо, что Лика снова зажмурилась. Если пойти налево, то

можно добраться до их старого дома, нет там никакого коня, которого можно было бы потерять. Если двинуться направо, она придет к знаменитому Сестрорецкому курорту, где Ликина жизнь точно никому не нужна.

Прямо, через короткую полосу песчаной дюны, располагался тот самый пляж, на котором она двадцать лет назад уже потеряла себя, но осталась жива. Нельзя второй раз потерять одно и то же. Можно только найти. Лика перешла полосу асфальта и ступила на покрытый иголками хвои песок. До пляжа всего шагов пятьдесят, не больше. Она остановилась.

Вдоль берега моря сновали люди, знающие о пользе морского моциона, некоторые из них использовали палки для скандинавской ходьбы. Весело бегали собаки, периодически возвращающиеся к хозяевам, чтобы убедиться, что все в порядке. Неожиданно проехали два конника. Лошади, породистые, чистые, ухоженные, вышагивали гордо и степенно. Лика проводила их взглядом, в ее детстве не было тут никаких лошадей.

На оборудованной прямо на пляже площадке играли дети. Их мамы сидели рядом на лавочке и о чем-то беседовали. Картина выглядела мирной и доброй, как и положено ясным летним днем, однако пригвожденная к месту Лика не могла заставить себя сделать те несколько шагов, которые отделяли ее от песка.

Сердце колотилось уже не в груди, а в горле, а это означало, что основательно подзабытая паническая атака совсем близко. Что будет дальше, Лика знала очень хорошо, а потому решила не упорствовать. Для первого раза вполне достаточно. Она повернулась спиной к пляжу и снова шагнула на асфальт улицы, вытерла о джинсы вспотевшие ладони, чувствуя, как сворачивается внутри кольцом поднявшая было голову змея паники. Фу, кажется, пронесло.

Прислушиваясь к внутренним ощущениям, она пошла налево по улице, решив, если организм позволит, все-таки найти дом, в котором проводила лето в детстве. Сердцебиение стало ровным,

дышалось легко, то есть против ее встречи с домом тело не возражало. Хорошо, значит, так тому и быть.

Тропинка, ведущая от променада внутрь участка, где располагался дом, никуда не делась. Лика повернула на нее. Их участок был вторым от береговой линии. На месте первого теперь располагался огромный домина в три этажа, отстроенный из дорогого кирпича и оснащенный камерами видеонаблюдения. Раньше тут стоял другой дом, в нем жила семья Батуриных. Ольга Станиславовна и Иван Ильич, у которых были две дочери. С младшей, кажется ее звали Катей, Лика дружила, практически все лето девочки проводили вместе. А старшая, Регина, считалась чуть ли не первой красавицей Сестрорецка.

И вроде тем последним летом она собиралась замуж. В памяти внезапно всплыло счастливое смеющееся лицо красивой юной девушки в белом, развевающемся на ветру платье и в венке из полевых цветов на голове. Ее кружил на руках высокий, молодой, тоже смеющийся парень в военно-морской форме. Точно, жених Регины Батуриной был курсантом Военно-морской академии.

Надо же, двадцать лет Лика о них не вспоминала. Интересно, это по-прежнему их участок, и новый современный дом тоже их, или Батурины продали его, как бабушка, и теперь здесь живут совершенно посторонние люди? Как узнать? Хотя какая разница? Она прошла еще немного вперед и остановилась, с облегчением выдохнув. Их дом был все тот же. Новые владельцы, сколько бы раз они ни менялись с того времени, его не снесли, а лишь покрасили.

Забор, правда, теперь новый. Из современной металлической зеленой сетки, заменившей их деревянный штакетник. Лика внезапно обрадовалась, что новые хозяева выбрали именно такую конструкцию, визуально расширяющую пространство, а не глухое ограждение из металлопрофиля, коих в округе наблюдалось довольно много.

Через сетку ей хорошо была видна веранда, в открытых окнах которой все так же развевались легкие белые занавески. Интересно,

раз окна открыты, значит, хозяева дома? В центре участка стояла круглая беседка. У бабушки с дедом ее не было. Вдалеке виднелся основательный гараж, тоже новшество. Дед машину загонял на участок и держал под открытым небом. А на месте гаража у него стоял небольшой сарайчик, в котором он слесарничал понемногу да и вообще хранил все необходимые инструменты.

Почему-то в памяти вдруг мелькнула картинка, как бабушка с совершенно белым, каким-то остановившимся лицом с остервенением протирает стоящий в сарайчике верстак, а также лежащие на нем инструменты. Странно, женщинам всегда категорически запрещалось приближаться к этому дедову царству и уж тем более что-то там трогать.

Открывшаяся дверь и вышедшая на улицу женщина заставили Лику отвлечься от неожиданных воспоминаний. Женщина, держащая в руках таз с бельем, была лет пятидесяти пяти. Заметив нерешительно топчущуюся у забора незнакомку, она сбежала со ступенек и подошла ближе.

– Вы что-то хотите?

– Здравствуйте. Я и сама не знаю, – призналась внезапно смутившаяся Лика. Ее ностальгический поступок сейчас казался ей глупым и неуместным. – Дело в том, что этот дом когда-то принадлежал моим родным. Я сюда на лето к бабушке и дедушке приезжала, а потом дед умер, а бабушка дом продала и переехала жить к нам. Мой папа – ее сын.

– Нам и продала, – спокойно сказала женщина. – Точнее, моим родителям. Отец мой нефтяником был. Сам-то он отсюда, из Сестрорецка, но после института в Сургут завербовался, там всю жизнь и прожил. А когда на пенсию вышел, решил в родные места податься. А тут как раз бабушка ваша дом продавала, причем довольно дешево. Отец тогда даже удивился. Конечно, двадцать лет назад цены не такие были, как сейчас. Это нынче тут каждая сотка по цене золота, не как тогда, да и у родителей деньги имелись, все-таки нефтяник, не шантрапа. Но вышло гораздо дешевле, чем он

планировал. А дом нам нравится. Вот скоро газ подведут, и совсем хорошо будет.

– А вы до сих пор печь топите? – спросила Лика, сама не зная, зачем ей эта информация.

– Нет, отец электрический котел поставил. А система отопления все та же. Ей сносу нет. На совесть сделана.

– Это дед мастерил, – похвасталась Лика. – Он у меня был инженер. Очень хороший.

– Да и мой отец тоже с руками. Так что кое-что тут за двадцать лет изменилось.

– Гараж появился, беседка...

– Да, это тоже папа сам строил. Ну, муж мой ему немного помогал, конечно. Мы же всей семьей переехали. Дом большой, места всем хватило. Сейчас-то дети наши выросли, отдельно живут. В Питере. А мы со стариками тут. Им пригляд нужен. Да вы заходите, если хотите. Меня, кстати, Светлана зовут.

– А меня Лика. Я бы с удовольствием зашла, если удобно. Двадцать лет здесь не была. Столько воспоминаний с этим домом связано.

– Так чего ж неудобно? – удивилась женщина. – Сейчас будем чай пить. Только я белье развешу, с вашего позволения, чтобы не закисло.

Лика прошла на участок и уселась на стоящие перед входом качели с тентом. Если бы в ее детстве были такие качели, она была бы счастлива, но для нее дед соорудил обычные, деревянные, с дощечкой на крепкой веревке. Она повернула голову. Ее качелей, разумеется, не осталось, на их месте новые владельцы оборудовали мангальную площадку.

Зато яблоня в дальнем углу участка, посаженная в честь ее рождения, то есть Ликина ровесница, была цела и невредима, шелестела листвой и гордо выдерживала тяжесть усеянных плодами веток. Год выдался урожайным, яблочным. Лика так явственно почувствовала вкус «ее» яблок с присущим только им сочетанием

кислинки и сладости, что рот у нее непроизвольно наполнился слюной.

– Светлана, пока вы заняты, можно я по участку пройдусь?

– Конечно, – согласилась женщина. – Гуляйте сколько хотите, я чай в беседке накрою.

– Если я вас отвлекаю, то не нужно, – запротестовала Лика. – Я только немножко тут поброжу, и все.

– Так от чего отвлекаться-то? – засмеялась хозяйка. – У меня, слава богу, пока еще каникулы. Я учительницей в местной школе работаю. Как после переезда устроилась, так и тружусь вот уже двадцать лет. Надоело ужасно. На пенсию бы вышла, так пенсионный возраст подняли. А муж мне говорит: «Это ты сейчас так говоришь, потому что не можешь. А могла бы, так не захотела бы. Как же ты без своей школы и своих учеников?» На самом деле-то прав.

Она снова засмеялась.

– Родители мои в санаторий уехали. Недалеко, в Репино. Подлечиться да обстановку сменить. Им же обоим по восемьдесят уже, но ничего, держатся. Здоровье позволяет, хотя силы, конечно, уже не те.

Лика сняла свои парусиновые тапочки и пошла, с наслаждением испытывая давно забытые ощущения, когда трава щекочет пятки. Бабушка запрещала ей ходить босиком, боялась, что внучка простудится, а дед, наоборот, настаивал, утверждая, что ничто не может заменить силу, которую дает матушка-земля. Сделала круг по двору, с интересом разглядывая новшества: большой пластиковый куб для воды, две стеклянные теплицы, заменившие бабушкины парники, сделанные, разумеется, дедовыми руками, стоящую неподалеку самоходную газонокосилку. Дед косил косой, и Лика всегда завороженно смотрела, как плавно ходят его руки, как вздуваются бицепсы под простой полотняной рубахой, как напрягаются жилы на шее.

Малинника у дома, в котором она паслась почти весь июль, нет. Свежие кусты малины растут теперь в отдалении, у самого забора, а вот крыжовник остался на месте, и налитые темно-зеленые ягоды, покрытые черными волосками, казались все теми же, из детства. Лика протянула руку, сорвала ягоду, положила ее в рот, прикусила крепкими белыми зубами. Ягода лопнула, сладкий сок вперемешку с кашницей зерен растекся по языку. М-м-м-м как вкусно!

– Вы ешьте сколько хотите! – издали крикнула Светлана, и Лика отпрянула, словно ее поймали на чем-то неприглядном. – Крыжовник – чудо как хорош. Планирую варить царское варенье. Знаете такое?

Конечно, Лика знала. Царское варенье всегда варила бабушка. И Лику привлекала, хотя внучка всячески пыталась от этого занятия уклониться, уж больно оно казалось монотонным. Для начала нужно собрать крыжовник с колючих кустов, но эту часть дед всегда брал на себя, чтобы жена и внучка не исцарапали руки. Их задача – перебрать ягоды, отделяя хвостики, затем тщательно промыть колодезной водой и дать стечь, чтобы ягоды хорошенько просохли. Именно эту часть работы и поручали Лике.

Затем бабушка усаживалась за стол и не вставала несколько часов, которые уходили на то, чтобы проколоть каждую ягодку, выдавить из нее мякоть в отдельную посуду, начинить дроблеными кусочками грецкого ореха, залить на сутки горячим сахарным сиропом, а на завтра добавить бадьян, прокипятить две-три минуты и разлить по банкам.

Сваренное таким образом варенье становилось прозрачным и золотистым, на просвет отливая зеленью. Наверное, за это его и называли изумрудным, хотя легенда гласила, что именно изумруд царица Екатерина Великая подарила готовившей ее любимое варенье кухарке.

Из красных сортов бабушка варила такое же точно варенье, только добавляла в него вишневые листья, и оно получалось огненно-красным, как рубин. Стоящие рядом в подполе банки очень

красиво смотрелись рядом, да и разложенное по розеткам варенье выглядело сказочно. А из оставшейся после варки варенья мякоти бабушка закатывала крыжовниковый компот, в который добавлялись яблоки. Получалось тоже очень вкусно.

Надо же, Светлана, оказывается, тоже не ленилась варить такое варенье. Или это магия места сказывается? Еще немного пощипав крыжовниковые кусты, Лика дошла до «своего» дерева, сорвала одно яблоко, погладила глянцевый наливной бок, приятно холодящий пальцы. Другой рукой провела по шершавой коре.

– Привет, – тихонечко сказала она. – А мы с тобой еще обе ничего, правда? Только ты плодоносишь, а я так, пустоцвет.

Обычно Лика спокойно переносила свою незадавшуюся женскую судьбу. Из-за особенностей психики сначала ей было трудно общаться, нет, не с мужчинами, просто с другими людьми. Те обычно пугались ее внезапных панических атак, считали ненормальной. Потом, когда с помощью врачей и психологов атаки сошли на нет, осталась привычка к одиночеству, а вскоре появился глубоко женатый Викентий, который наотрез отказывался даже слышать о возможных совместных детях.

Сколько бы Лика ни говорила, что его это ни к чему не обяжет, поскольку финансово она способна сама позаботиться о ребенке, он и слушать об этом не хотел. Потерять Викентия она не решалась, и только в последний год все чаще задумывалась над тем, чтобы нарушить табу и родить. А возлюбленный пусть катится ко всем чертям, если хочет. Вот только вместе с ним под откос могла укатиться и работа, дававшая финансовую независимость, необходимую для воспитания ребенка. В общем, все было непросто и довольно болезненно, впрочем, как и все остальное в незадавшейся Ликиной жизни.

– Идите чай пить, – голос Светланы вывел ее из оцепенения.

Сунув сорванное яблоко в рюкзак, она пошла к беседке, где уже стояли исходящий паром самовар, правда электрический, вазочка с

клубничным вареньем, явно домашним, тарелка с блинами и сахарница.

В ее детстве самовар всегда был настоящим, на сосновых шишках.

– Мне неудобно, – снова смутилась Лика. – Получается, я вам на голову свалилась.

– Ну так и хорошо, что так, – отозвалась Светлана, разливая чай. – Муж у меня на работе, родители в санатории, дети только на выходные приезжают, а сегодня понедельник. Я гостям всегда рада.

Они не спеша пили чай и ели блины. Очень вкусные.

– Чудесный дом, – рассказывала Светлана. – Я так за эти годы к нему привыкла, словно он всегда был наш. И место отличное, и обустроено все с любовью. И почему ваша бабушка так дешево его продала? Из-за смерти деда переживала, наверное.

Продав после похорон дом и переехав к сыну и невестке, которые жили в провинциальном городе, бабушка не только никогда не ездила в Питер, но и могилу деда не навещала ни разу. Да и не говорила о муже, с которым прожила сорок лет, никогда, и все Ликины разговоры и воспоминания обрывала, словно эта тема была ей неприятна.

Когда Лика как-то обсуждала этот феномен со своим психологом, та объяснила, что так может выражаться слишком сильное горе. Мол, психика выставляет блок на все, что связано с дорогим человеком, чтобы не было мучительных воспоминаний о потере. Лика это объяснение приняла, хотя ей подобное и казалось странным.

– А может быть, это те убийства на ней так сказались, – продолжала Светлана, и Лика от неожиданности подавилась горячим чаем.

– К-какие убийства? – спросила она сквозь кашель.

Светлана похлопала ее по спине, протянула салфетку, чтобы промокнуть облитые колени.

– Ну как какие? В Сестрорецке же летом две тысячи третьего года банда подростков пять человек убила. Сначала четверых мужчин. На последнем преступлении они привлекли внимание, и их вскоре

задержали, но они до этого еще успели девушку молодую жизни лишить. Из-за сотового телефона, уму непостижимо. Тогда весь город об этом говорил. Мы, когда приехали и дом искали, уж начали сомневаться, стоит ли тут жить. Но потом убийц поймали, а тут и вариант с вашим домом подвернулся. Мы сначала сомневались, последнее-то убийство совсем неподалеку произошло, но больно уж цена оказалась привлекательной, да и раскрыли преступления-то. Ничего нам больше не угрожало.

В голове у Лики словно раздался маленький взрыв. Откуда-то из глубин памяти, той ее части, которая казалась намертво заблокированной, вдруг всплыла картинка, да такая яркая, что Лика опять зажмурилась. Впрочем, и за закрытыми веками она видела надежно скрытый вечерней темнотой пляж и узкий направленный свет чьего-то фонарика, разрезающего тьму.

Вот в этом луче вдруг появляется лежащее на спине тело девушки в белом платье. Она лежит, уставившись в ночное небо широко раскрытыми глазами, а в груди у нее что-то торчит. Кажется, нож.

– Вы что? Вам плохо?

Обеспокоенный голос Светланы вырвал Лику то ли из воспоминаний, то ли из фантазий. Ну да, не с ее подвижной психикой слушать про подобные ужасы. Она поняла, что тяжело задышала, как поступала всегда, когда на нее наваливалась паника, и хозяйку, гостеприимно угощающую ее блинами и вареньем, это напугало. Руки снова стали влажными и липкими, и Лика вытерла их салфеткой, которой до этого оттирала брызги чая со своих брюк.

– Нет-нет, все хорошо. Просто я не помню ни про какие убийства. Странно, потому что я все лето жила здесь. Но я вообще этот период не очень хорошо помню. Последствия шока, вызванного смертью деда. Именно я его нашла, понимаете?

– Какой ужас! – искренне посочувствовала Светлана. – Какой удар для ребенка. Это ж сколько лет вам было?

– Шестнадцать. Не такой уж и ребенок.

– Но все равно ужасно. Бедненькая, через что же вам пришлось пройти.

– В том-то и дело, что я не помню, через что, – мрачно ответила Лика и встала. – Спасибо вам, Светлана. И за угощение, и за любовь к этому дому. Я рада, что он достался именно вашей семье. Вы о нем достойно заботитесь.

– А как же иначе? Вы, Лика, заходите, когда захочется. Всегда будем вам рады. Вы остановились-то где?

– В «Зеландии».

– Хорошее место, говорят. Дети иногда зимой туда в бассейн поплавать ходят. Там можно деньги заплатить и услугами спа-комплекса пользоваться. Вот они иногда и балуются. Рада была познакомиться. Приходите.

Распрощавшись, Лика дошла до калитки и остановилась, вспомнив, что хотела спросить про Батуриных. Если семья Светланы жила тут двадцать лет, значит, соседний дом перестраивали уже на ее глазах. Интересно узнать, где сейчас Регина и Катя. Она уже открыла рот, чтобы задать вопрос, но не успела, потому что к забору подъехал молодой человек на велосипеде.

– Здравсьте, тетя Свет, – весело проговорил он, – я в магазин собрался. Надо что-нибудь?

– Нет, дорогой, спасибо. Дети на выходные приезжали, навезли всего. Да и мы с дядей Колей затоварились перед их приездом, чтобы вкусненьким побаловать, так что все есть.

– Ну ладно. Тогда держите, я тарелку из-под вашего пирога захватил.

Он снял со спины рюкзак, достал из него довольно большое блюдо, в центре которого щипали траву два гуся, протянул Светлане, которая с готовностью его приняла.

– Ну как? Вкусный пирог-то был?

– Объедение, тетя Свет. Ваши яблочные пироги – лучшее, что я когда-либо ел.

– Ладно уж, угодник. Захвалишь совсем, – зарделась Светлана.

– Всего доброго, я пойду, еще раз спасибо, – поспешила Лика, которой не хотелось присутствовать статистом при чужой беседе.

Она переступила порог калитки, вышла на тропинку, повернула в сторону Пляжной улицы, по которой ей предстояло дойти обратно к отелю, и замерла, услышав свое имя, произнесенное удивленно-радостным мужским голосом.

– Луша? Неужели это ты? Не может быть! Луша!

* * *

– Луша! Не бегай босая по траве, застудишься. – Анна Ивановна качала головой, но не сердито, а озабоченно. Внучку она любила. – Иди сюда.

Двенадцатилетняя девочка, которую Анна Ивановна попросила назвать в честь своей матери Лукерьей, росла умненькой и послушной. Родители, правда, поступили по-своему, поэтому в документах внучка числилась Гликерией, что позволяло всем вокруг звать ее красивым именем Лика. Но для бабушки и деда это ничего не меняло, для них, а также для всей сестрорецкой округи она была Лушей, и к этому своему «летнему» имени она относилась спокойно, как к данности. Луша так Луша. Какая разница?

Оторвавшись от куста с ярко-красным лохматым крыжовником, она послушно подошла к крыльцу, на котором стояла бабушка.

– Да, бабуль?

– Добеги до Талановых, там Антошка опять без тебя есть не хочет.

Талановы жили по соседству, их дом стоял чуть дальше по переулку и наискосок, а Антошка – их четырехлетний внук, которого родители на лето выводили из детского сада и отвозили к бабушке с дедушкой, на свежий сосново-морской воздух. Мальчик рос болезненным, и за зиму его мама, талановская невестка, настолько уставала от постоянного сидения на больничных, что ждала лета, как приговоренный к каторге – окончания ее срока.

В Сестрорецке Антоша тоже болел, но все-таки реже. Как и все часто хворающие единственные дети, рос он капризным и плаксивым, а еще вредным до невозможности. Любая попытка накормить его чем-то, кроме блинов, превращалась в серьезное испытание.

Похожий на ангелочка мальчик вертел своей кудрявой головенкой, от чего каша размазывалась по чистенькой и выглаженной рубашке, а суп разбрызгивался по столу, полу и стенам. Убежденные, что питание должно быть сбалансированным, родители и бабушка наотрез отказывались свести рацион к вожделенным блинам, а потому баталии, связанные с поступлением в организм каши, супа и творога, велись ежедневно и с переменным успехом.

Единственным человеком, который мог заставить четырехлетнего Антона съесть что угодно, была Луша. Когда девочка приходила к Талановым, Антон тут же покладисто усаживался за сбитый во дворе деревянный стол, накрытый клетчатой клеенкой, и послушно открывал рот, как галчонок, которому мама принесла жирного червяка. Роль червяка выполняла ложка с едой, которую Луша споро совала в открытый детский ротик, отвлекая при этом своего подопечного порцией сказок, до которых он был весьма охоч.

Необычный дар Луши Ковалевой выявился случайно в середине июня, и с тех пор она почти ежедневно приходила к Талановым, чтобы скормить Антону очередную порцию столь нелюбимой им еды. Луше льстило, что ей доверяют такое ответственное поручение, и мальчишка ей нравился, потому что, когда взрослые не видели, он тут же забывал про все капризы и становился веселым, покладистым и ужасно смешным.

Луше также разрешали брать его с собой на пляж, правда при условии, что она не будет разрешать мальчику подходить к кромке воды. Также ему запрещалось снимать сандалики и бродить по песку босиком, но он и не пытался делать ничего подобного, просто следуя за Лушей и ее подружкой Катей по пятам. Да, точно. Соседскую

девочку звали именно Катей, и была она младшей сестрой Регины Батуриной.

Луше было двенадцать, Кате одиннадцать, а Регине шестнадцать. Она перешла в последний класс средней школы и была так красива, что Луша всегда любовалась старшей сестрой подружки и все норовила подсмотреть, как она одевается, как красится, как надменно держит свою белокурую голову, снисходительно общаясь с мальчишками.

В Лушином представлении Регина казалась сказочной принцессой, в которую обязательно должен влюбиться какой-нибудь принц. Хороводы ухажеров перед домом Батуриных не прекращались практически никогда, но Регина в ожидании своего принца была разборчива и сдержанна, никого не выделяя, никого не подпуская близко и никому не разрешая вольностей.

Бабушка говорила деду, а Луша слышала, что Батурины воспитывают дочерей в строгости, и это правильно, потому что за двумя девочками нужен глаз да глаз. В то лето Регина была особенно загадочна, хороша собой и томна, а в ее движениях появилась особенная плавность, заставляющая всех мужчин сворачивать шеи, чтобы подольше задержать на юной красавице свой взгляд.

Катка как-то доверила Луше страшный секрет. Ее старшая сестра влюбилась, но вот в кого, отказывалась говорить наотрез, лишь только глупо хихикала и многозначительно улыбалась. Луша попыталась вычислить, в кого, но потерпела неудачу, потому что на окружающих мальчишек Регина по-прежнему не обращала никакого внимания.

В другой раз Катка, когда они собирали чернику под соснами, а маленький Антон пыхтел рядом, пытаясь ссыпать ягоды в рот так, чтобы не растерять их из маленького кулачка, заговорщическим шепотом сказала Луше, что она тоже влюблена в Регинино избранника.

– Это ничего, что сейчас он с ней, – убежденно сказала Катька. – Я свою сестру знаю, он ей быстро надоест, а я за это время подрасту и сумею привлечь его внимание.

Луша хотела спросить, что значит «с ней», но в этот момент Антоша зацепился за какой-то торчащий из земли корень и упал, а потому она кинулась его поднимать и утешать, а про любовные страсти сестер Батуриных совершенно забыла.

Любопытство ее было удовлетворено спустя неделю или дней десять. Ушедший ловить рыбу дед отчего-то задерживался к ужину, и бабушка отправила Лушу его позвать. Рыбу он всегда ловил в одном и том же месте, идти до него совсем недалеко, минут семь, и Луша, накинув легкую кофточку, потому что к вечеру в августе уже холодало, отправилась за ним, с удовольствием предвкушая совместный обратный путь. Она любила шагать рядом с дедом, слушая его рассказы. Собеседником он был удивительным.

Двенадцатилетней Луше дед казался образчиком мужской красоты. Отпраздновав шестидесятилетний юбилей, он сохранил статную фигуру без лишнего грамма жира. Его поседевшие волосы казались так же густы, как в юности, глаза отливали синевой, соревнуясь с летним небом, а лицо выглядело мужественным и открытым.

Бабушка, посмеиваясь, говорила, что в молодости ей нелегко пришлось, потому что на ее мужа заглядывались слишком многие, но он никогда не давал повода усомниться в своей верности. Луша знала, что дед был удивительно честным и порядочным. Лучшим человеком из всех, кого она знала. Он и ей никогда не давал повода усомниться в том, что это действительно так.

В общем, она пошла звать деда к ужину, и путь ее лежал по пляжу мимо давно закрытой лодочной станции. В советское время тут брали лодку напрокат, но в Перестройку все здесь пришло в запустение, и сейчас домик был заколочен и заперт на висячий замок.

Луша обходила домик сзади и вдруг застыла, потому что оттуда доносились звуки. Внутри кто-то был, мужчина и женщина, потому что до ушей девочки отчетливо доносились женские стоны и мужское удовлетворенное уханье. Вид занятий, которым со всей страстью отдавались эти двое, ей был совершенно ясен. Луша была начитанной девочкой, освоив и книгу про «Анжелику – маркизу ангелов», и собрание сочинений Ги де Мопассана.

В домике происходило то запретное, что не принято выставлять напоказ и что испокон веков происходит между мужчиной и женщиной. Стоны и уханье сменились протяжным двухголосным вскриком, и все затихло. Луша отмерла, поняв, что ее сейчас застигнут за подслушиванием, рванула в сторону и, лишь оказавшись на приличном расстоянии, оглянулась ровно в тот момент, чтобы увидеть, что из домика, поправляя небесно-голубое платье, выходит Регина Батурина.

О сделанном ею внезапном открытии, что Регина не такая уж скромница, как это представлялось бабушке, она никому не сказала, даже Кате, которая могла проболтаться. Выдавать чужие секреты, даже нечаянно, Луша Ковалева считала стыдным. С дедом она в тот вечер разминулась. На привычном месте ловли его не оказалось, и, когда девочка вернулась домой, он уже в ожидании внучки и ужина чистил рыбу на крыльце, не преминув похвастаться перед ней уловом – одним, но довольно крупным судаком.

Обо всем этом тридцатишестилетняя Лика Ковалева вспомнила сейчас, стоя перед высоким парнем, окликнувшим ее детским именем.

– Да, это я, – вежливо сказала она, не очень понимая, с кем разговаривает.

Парень был довольно симпатичный, только очень молодой, явно меньше тридцати. На носу у него сидели дорогие темные очки, джинсы тоже были не ширпотреб, а вполне себе приличные, от «Кельвина Кляйна». Широкую и видно, что мускулистую грудь обтягивала футболка того же бренда, а на ногах красовались не

кроссовки, а аккуратные мокасины из настоящей кожи. Лицо молодого человека украшала аккуратная щетина, создававшая шикарный эффект небритости. Да уж, модный чувак, ничего не скажешь.

– Луша, ты меня не узнаешь? – догадался парень и снял очки. Яснее от этого не стало. – Это же я, Антон Таланов. Помнишь, Луша и Тоша, ну? Ты меня еще кашей кормила.

Вот теперь она его узнала. Это действительно был он, кудрявый ангелочек из ее детства. Приезжая в Сестрорецк в следующие годы, она уже не проводила с ним столько времени. Антоша перерос детские болезни и капризы, ел все и самостоятельно и больше не ходил за соседкой хвостиком, предпочитая мальчишеские компании и игры.

Когда Лика видела его в последний раз, приехав в Сестрорецк тем проклятым летом 2003 года, ей было шестнадцать, а ему восемь. Он уже окончил второй класс, но все равно каникулы проводил в доме своих бабушки и деда. Они тогда вообще не пересекались, лишь здоровались, встречаясь в переулке, на пляже или совместно отмечаемых праздниках. Например, на помолвке Регины Батуриной.

– Привет, Тоша, – проговорила она, улыбаясь. Детские воспоминания, связанные с Талановыми, были добрые и теплые. От них внутри ничего не леденело и не вызывало мурашек. – Конечно, я тебя помню. Ты так вырос! Уже совсем мужчина. Ты по-прежнему проводишь тут лето? А как Ольга Тимофеевна и Василий Игнатьевич?

Имена Талановых-старших всплыли в памяти так легко, словно в последний раз Лика общалась с ними буквально на днях.

– Я теперь тут живу, – ответил он и снова водрузил очки на нос. – После смерти бабушки с дедом дом достался мне.

– Прости, я не знала, – смутилась Лика и выругала себя за то, что проявила подобную бестактность.

Конечно, двадцать лет прошло, и хотя Талановы были младше, чем ее дед и бабушка, но все-таки немолоды.

– Не извиняйся. Ты же не обязана знать. Дед умер пять лет назад, а бабушка пережила его всего на год. Они же всегда смеялись, что два неразлучника, вот она и не смогла без него жить. Зайдешь в гости?

Ли́ка в замешательстве глянула на часы. Половина пятого. До ужина еще далеко, и делать в отеле ей совершенно нечего. Почему бы и не вспомнить детство? Любопытно, каким вырос галчонок, доверчиво открывавший рот для ложки с кашей?

– Да, спасибо за приглашение. Но ты же в магазин собирался.

– Ничего страшного, вечером съезжу или завтра. Луша, если бы ты знала, как я рад тебя видеть!

Пожалуй, Ли́ка тоже была рада его видеть. Именно ради таких встреч она вообще-то и приехала сюда, в Сестрорецк, надеясь вернуться в прошлое и найти в нем потерянную часть себя. Он спешил и повернул обратно в сторону своего дома, ведя велосипед за руль. Приноровившись к его шагам, Ли́ка пошла рядом.

– Кем ты работаешь, Антош?

– Я программист. Пишу коды и программы, что позволяет работать на удаленке. Отсюда, из Сестрорецка, мне это делать очень удобно. Родители по-прежнему в самом Питере, на неделе я езжу к ним, в выходные они навещают меня. Так и живем.

– Не женат?

Задавая этот личный вопрос, Ли́ка совершенно не смущалась. Этот мальчик ей представлялся кем-то вроде младшего брата, скажем двоюродного, а потому нет ничего неприличного в том, чтобы выяснять подробности его жизни спустя много лет разлуки.

– Нет. Не нашел девушки, которая устраивала бы меня в качестве жены. Мама все время намекает, что не прочь стать бабушкой, но я не тороплюсь. Мне и одному неплохо.

– Что ж ты такой привередливый-то? – шутливо спросила Ли́ка. – В жизни не поверю, что в Питере трудно выбрать подходящую невесту.

– Ну, вот мне трудно. – Он картинно развел руками, после чего подхватил падающий велосипед. – У меня жесткие критерии отбора.

– И какие же?

– Я всю жизнь ищу девушку, которая была бы похожа на тебя, – ответил он.

Лица покосилась на него: шутит, что ли? Но лицо Антона было совершенно серьезно. Впрочем, кто там разберет за стеклами темных очков?

– Кто ищет, тот всегда найдет, – ответила она, чтобы сгладить неловкость, которую, кажется, ощущала только она одна. – Ну, раз ты тут живешь, расскажи мне про остальных. Я видела, что на месте батуриного старого дома роскошный особняк построили. Это Батуриных?

– Нет, они же переехали отсюда, – немного удивленно ответил ее спутник. – Ты не знала, да? Хотя, наверное, не знала. Они продали дом, когда твоя бабушка уже уехала. Не смогли тут жить после того, что случилось, уехали во Владивосток за младшей дочерью.

Видимо, Антон тоже имел в виду те убийства, про которые говорила Светлана. Странно, что Лица совсем ничего о них не помнила.

– Понятно, – сказала она. – Жалко, конечно. Я бы с удовольствием сейчас поболтала с Катькой. Мы так дружили. А она, оказывается, во Владивосток переехала. И на Регину интересно было бы посмотреть, какая она стала. Все такая же красивая, несмотря на возраст? Ты не в курсе, она осталась в Сестрорецке или тоже уехала?

Теперь к изумлению в глазах Антона примешивалась легкая тревога, причины появления которой Лица не знала.

– Луша, Регина умерла двадцать лет назад, – ответил он осторожно. – Ты что, не помнишь?

Лица споткнулась, и он был вынужден подхватить ее под локоть. Иначе она бы упала.

– Умерла? – недоуменно спросила она. – Как? Отчего? Я действительно не помню, Антон. У меня после смерти деда начались

проблемы с памятью. Я только помню, что тем летом Регина собиралась замуж, и ее жених был морским офицером. А потом чистый лист.

– Да, я знаю, что ты любила деда. Андрей Сергеевич удивительный был человек. Очень добрый. Я это помню, хоть совсем маленький был. Он так интересно рассказывал про оружейный завод, про винтовку Мосина, про историю Сестрорецка. Я любил приходить к вам.

Да, теперь Лика вспомнила, что, став постарше, Антон Таланов частенько прибегал к ним, и дед охотно общался с мальчишкой, приучая его в том числе держать в руках инструменты. Антон допускался в сарайчик, в который женщинам не было хода. Да, она сама с подростком соседским мальчишкой уже не возилась, а дед наоборот.

– Антон, что случилось с Региной? – спросила она.

Отчего-то Лике казалось, что ей важно это знать.

– Так подростки убили, – ответил он. – На пляже ударили ножом, чтобы отобрать мобильный телефон.

Ах да, Светлана говорила про какую-то банду, которая напала на четырех мужчин и одну девушку. Значит, последней жертвой стала именно Регина Батурина. Какой ужас. Из памяти снова всплыл образ светловолосой красавицы в белом платье и венке из цветов, счастливо смеющейся на руках у своего жениха. Надо же, значит, их свадьба так и не состоялась. Как печально.

Она закрыла глаза, пытаясь вспомнить хоть что-то о случившемся несчастье. Наверняка, когда оно произошло, бабушка с дедом его обсуждали. Но нет, блок в голове настойчиво не давал всплывать хотя бы смутным воспоминаниям. Проклятье. Неужели эта частичная амнезия никогда не пройдет?

За разговором они дошли до дома Талановых. Он сильно изменился за последние двадцать лет.

– Мы с отцом провели отопление, такое же, как было у Андрея Сергеевича. Сначала тоже топили котлом на дровах, позже перешли

на уголь, а сейчас все на электричестве, конечно. Скважину выкопали десять лет назад, так что водопровод теперь работает исправно, воду из колодца таскать не нужно. Ванную комнату оборудовал, туалет с септиком. Я хорошо зарабатываю, так что с этим проблем нет, – рассказывал Антон, водя ее по дому. – Отец предлагал все снести и новый дом построить, из кирпича, чтобы на века, а я не стал. Мне в дереве лучше дышится, да и память все-таки.

С этим Лика согласилась. Новодел на месте батуринаского дома раздражал ее, потому что выпадал из рисуемых капризной памятью картинок, а их старый дом и талановский полностью соответствовали воспоминаниям, хотя и стали удобнее и современнее. И Светлана, и Антон бережно относились к прошлому, и за это Лика была им благодарна.

– Я сейчас чайник поставлю, – предложил Антон, когда они, закончив экскурсию, пришли на кухню. – Ты голодная?

– Нет, – покачала головой Лика. – Меня Светлана блинами накормила.

– Как ты вообще тут оказалась? После стольких лет... Я глазам своим не поверил, когда тебя увидел. Хотя сразу узнал. Ты вообще ни капельки не изменилась.

– Ну да, конечно, – рассмеялась Лика. – Не зря Светлана назвала тебя угодником. За двадцать лет я вообще не изменилась. Была шестнадцатилетняя девчонка, а стала тридцатишестилетняя женщина.

– Не изменилась, – серьезно сказал Антон. Свои очки он в доме снял, а потому по глазам Лика видела, что он не шутит. – Все такая же красивая. А кем ты работаешь? У тебя есть муж? Дети?

Младший брат имел право после долгой разлуки задавать такие личные вопросы своей сестре. Скажем, двоюродной. Лика вздохнула, потому что отвечать на них не любила.

– Я финансист, – ответила она. – Заправляю финансами крупной строительной фирмы, так что тоже не бедствую. Замуж я не вышла, детей у меня нет, так что я, как и ты, живу совершенно одна.

Родители мои живы и здоровы, бабушка минувшей зимой умерла, а здесь я очутилась, потому что все эти годы ужасно скучала по Сестрорецку, но бабуля была категорически против, чтобы я сюда приезжала. Пришлось ждать, чтобы мой визит в прошлое ее не расстроил.

– Моя бабуля ужасно удивлялась, что за все эти годы Анна Ивановна ни разу не приехала на могилу твоего деда. Но ты не думай, бабуля и дедуля поддерживали там порядок. Весной прибирались, цветы оставляли. Они действительно дружили и очень уважали Андрея Сергеевича. Правда. Теперь мама это делает.

– Спасибо, – тихо сказала Лика. – Антон, а ты знаешь, где его могила? Сможешь отвести меня туда?

– Без проблем, – тут же согласился Таланов. – Скажешь, в какой день тебе удобно, и я тебя отвезу. А хочешь, пешком прогуляемся, тут же недалеко, километра два. Ты вообще надолго приехала?

Лика вспомнила, как однажды они с дедом ходили на Сестрорецкое кладбище, где были похоронены его родители. Дед торжественно заявил, что они пойдут в поход. Лике поручил надеть удобную обувь, а сам взял с собой рюкзак, куда положил термос с горячим чаем и бутерброды. Через Средний парк они прошли до улицы Андреева, добрались до Верхнего парка, потом по Лесной дошагали до набережной реки Сестры, перебрались на другую сторону через Курортный мост, а там до кладбища было уже совсем недалеко.

Было это тем самым последним летом. Лика оказалась достаточно взрослой, чтобы не устать от столь длинной прогулки, и там, на кладбище, дед показал ей могилу прабабушки с прадедушкой, а потом провел через места упокоения людей, чьи имена были ей хорошо знакомы. Именно на Сестрорецком кладбище похоронили конструктора стрелкового оружия Сергея Мосина и писателя Михаила Зощенко. Значит, и дед покоится там же. И как так получилось, что они бросили его там одного на целых двадцать лет? Господи, как же стыдно!

– Я тут на две недели, – ответила она на последний вопрос Антона. – Так что времени у нас достаточно. Ты реши, в какой день сможешь отвлечься от работы, а я подстроюсь. Я же в отпуске.

– Тогда не будем откладывать. Завтра я сдам один важный заказ, и в среду отправимся, – пообещал Таланов. – Точно чаю не хочешь?

– Точно, – заверила его Лика. – Спасибо, ты очень меня выручишь. Я бы вообще с удовольствием по городу побродила. Он так изменился за двадцать лет. Я бы и на территорию инструментального завода сходила. Дед частенько меня туда водил. С этим заводом практически вторая половина его жизни была связана. И на Разлив, и на Сестрорецкий курорт, да и вообще везде.

– Везде ходим или съездим, – заверил Антон.

– На велосипеде? – уточнила Лика. – У тебя найдется второй?

– И велосипед найдется, и машина у меня есть. Просто сейчас я ее на ТО отогнал. Завтра заберу. А захочешь экстрима, то у меня и мотоцикл имеется. Эх, прокачу! Как у Ильфа и Петрова.

– «Водку пить не будете? Голыми при луне танцевать не будете?» – подхватила Лика и неожиданно смутилась. – Ладно, Антоша, я пойду. Давай обменяемся телефонами для связи. И не буду больше сегодня тебя отвлекать.

– Я бы сказал, что ты меня совершенно не отвлекаешь, но раз я хочу завтра сдать заказ, то сегодня мне нужно с головой уйти в работу, – согласился он. – Давай диктуй свой номер, я тебя наберу.

Продиктовав цифры своего телефона и записав высветившийся звонок под именем «Антон Таланов», Лика попрощалась и вернулась в отель в чудесном настроении.

Пужинала она в ресторане на первом этаже основного здания, справа от стойки ресепшена. Здесь был настоящий камин, придающий уют прохладному августовскому вечеру, мягкие удобные кресла. Интересный дизайн светильников, выполненных в виде стеклянных шаров... И еда оказалась вкусной, хотя и довольно дорогой. Но что поделать, отпуск есть отпуск. Нельзя на нем экономить.

Почти все столики были заняты. «Зеландия» пользовалась спросом в любое время года, а уж летом и подавно. Основной контингент отдыхающих составляли либо пожилые пары в возрасте между пятьюдесятью и семьюдесятью годами, либо молодые семьи с маленькими детьми. При этом многие мамы находились в состоянии ожидания второго ребенка, аккуратно неся свои большие уже животы между столиками и при этом следя за старшими детьми, большинство которых представляли двух-четырёхлетки. При виде детей Лика привычно взгрустнула.

Одинокó сидя за своим столиком, она невольнó привлекала внимание, а потому чувствовала себя слегка неуютно. Быстро поев, она вернулась в номер, скинула одежду, приняла душ, натянула все тот же белый пушистый халат, замотала волосы полотенцем, удобно устроилась на кровати, подложив под спину две подушки, и открыла интернет.

Ей не давала покоя впервые услышанная история с кровавыми преступлениями, случившимися практически на ее глазах, о чем она совсем ничего не помнила. Врачи, занимавшиеся с нею, объясняли, что диссоциативная амнезия, которой страдала Лика, относится к острому расстройству памяти, при котором человек забывает информацию личного характера, связанную с тяжелым разрушительным стрессом, но сохраняет другие виды воспоминаний.

Степень нарушений памяти при этом может различаться – от незначительных пробелов до полной утраты воспоминаний о событиях, произошедших в течение определенного периода. И именно то последнее лето как раз и явилось таким периодом. Понятно, что спусковым крючком, вызвавшим столь тяжелое нарушение, стала смерть любимого деда, но почему так случилось, не мог ответить ни один из специалистов.

– Понимаете, амнезия является защитным механизмом, который включается в попытке уберечь психику от непереносимых нагрузок, – объяснял ей знаменитый в их городе психиатр, профессор Лагранж, к которому Лика пришла на консультацию уже

достаточно взрослой. – В принципе, вызвать ее может любой тяжелый психологический стресс, коим для вас, несомненно, явилась смерть деда. Однако такая ярко выраженная клиническая симптоматика обычно развивается в тех случаях, когда человек попадает в условия, представляющие непосредственную угрозу для жизни.

– Что вы имеете в виду? – уточнила Лика.

– Наводнения, пожары, прочие стихийные бедствия, пребывание в зоне военных действий, криминальные инциденты насильственного характера, физическое, психологическое, эмоциональное или сексуальное насилие в семье. В вашем случае не было ничего подобного?

– Что вы, профессор, – засмеялась Лика. – Бабушка и дед прожили вместе сорок лет и никогда не ссорились. Они очень любили друг друга, моего папу, их сына, маму, хотя любить невестку как-то неправильно, а меня так просто обожали. Я выросла в атмосфере полной любви, и всегда знала, что меня любят. А уж дед меня просто обожал. Мне позволялось все. Если бабушка от него хотела чего-то, с чем он был не согласен, то именно меня отправляли парламентаром.

– Да, я знаю, что вы имеете в виду, и все же, если вы хотите понять, что именно вызвало такую реакцию вашего организма, то нужно подумать над неочевидными событиями. Бывают мелочи, которые кажутся неважными, на них не обращаешь внимания, ни когда они происходят, ни потом, когда о них вспоминаешь, а вместе с тем именно в них кроется причина очень многих явлений. Стертые случаи диссоциативной амнезии являются достаточно распространенным явлением. Подобные состояния нередко отмечаются в первые дни после смерти близких людей и при некоторых других тяжелых, непереносимых для пациента ситуациях, например при внезапном разрыве отношений с любимым человеком. Иногда они – результат поступков, вызывающих чувство вины. Человек совершает что-то, что считает аморальным или

недостойным, и организм выбрасывает это из памяти, защищая себя от стыда.

– Но я ничего подобного не совершала! – воскликнула Лика.

– Или просто не помните об этом. Есть еще вариант, что подобный стыдный поступок совершил кто-то из дорогих вам людей. Настолько дорогих, что вам невыносима сама мысль об этом.

– Мои родные не могли сделать ничего плохого, – твердо заявила Лика. – Это невозможно.

– Не буду настаивать. – Лагранж улыбнулся. – Более того, я вообще не уверен, что вам нужно пытаться вспомнить то, что сейчас скрыто в вашем подсознании. Боль от неожиданного прозрения может оказаться такой сильной, что вы ее не выдержите. В шестнадцать лет, когда вы были если и не ребенком, то не до конца сформировавшимся взрослым человеком, ваше богатое воображение и слабо развитое аналитическое мышление позволили вам отстраниться от текущих обстоятельств, психологически и эмоционально застыть, отрешиться от происходящего.

– Я финансист, – тоже улыбнулась Лика, – и с шестнадцати лет мои аналитические способности развились до уровня гораздо выше среднего, в этом я вас уверяю. Я хочу знать, доктор.

– Одного желая мало. Механизм диссоциативной амнезии до сих пор недостаточно изучен. Память может возвращаться к вам постепенно. Просто какие-то отдельные куски будут всплывать в голове, и поначалу вам будет трудно связать их между собой, но рано или поздно пазл обязательно сложится. Может случиться и иначе. Попав в то же место или в те же обстоятельства, которые и вызвали травмирующее событие, вы ощутите лавинообразное возвращение памяти. Но еще раз предупрежу, что связанный с этим болевой шок может оказаться достаточно силен.

– Я справлюсь, – уверенно сказала Лика. – Нет ничего более болезненного, чем постоянно ощущать провалы в памяти, чувствуя, что внутри твоей головы существует черная дыра.

Именно после того разговора с профессором Лагранжем она и приняла твердое решение вернуться в Сестрорецк, чтобы оказаться «в том же месте и в тех же обстоятельствах». Не давала это сделать только истерическая реакция бабушки. И лишь этим летом наконец получилось.

Проведя в Сестрорецке всего один день, Лика понимала, что старый профессор был прав. К ней уже пришли воспоминания, к которым она не возвращалась много лет. Белое платье Регины, ее секс на пляже с неизвестным мужчиной, завистливый шепоток Катьки, Антон, которого она кормила кашей, поход с дедом на Сестрорецкое кладбище. Это не то, что нужно, но лучше, чем ничего. Лика была уверена, что за оставшиеся тринадцать дней сможет все вспомнить.

Как говорил Лагранж? Наводнения, пожары, прочие стихийные бедствия, пребывание в зоне военных действий – точно мимо. Ничего подобного летом 2003 года в Сестрорецке не происходило. Любой вид насилия в свой адрес тоже точно можно вычеркнуть. Дед никогда бы не допустил, чтобы его любимицу кто-либо обидел. Смерть близкого человека как непереносимая ситуация. Это да. Но это и так давно известно.

Поступки, вызывающие чувство вины, свои или чужие? На этом месте зияло «слепое пятно». Лика считала их невозможными, но, как человек, обладающий развитой логикой, совсем со счетов не сбрасывала. Остаются криминальные инциденты насильственного характера, к коим явно можно было отнести совершенные тем летом преступления, жертвой одного из которых, оказывается, стала Регина Батурина.

Величайшее изобретение человечества – интернет – выдало ответ на вбитый запрос практически сразу. Погрузившись в чтение, Лика довольно быстро смогла составить картину того, что случилось в этом маленьком городке двадцать лет назад. Первое нападение банда из четырех подростков совершила в середине июля,

высмотрев у здания Сестрорецкого железнодорожного вокзала подвыпившего мужчину, возвращавшегося домой.

Фамилия первой жертвы была Балалайкин. Несовершеннолетние налетчики пошли за ним следом, в укромном месте недалеко от реки Сестры напали, для начала жестоко избили мужчину, а потом несколько раз ударили его ножом. Денег у погибшего не оказалось, единственной добычей стал старенький сотовый телефон, и, обшарив карманы жертвы, малолетние негодяи сбросили тело убитого в реку.

Действительно обладающая богатой фантазией Лика представила это и поежилась. В ее представлении подобные действия были совершенно невозможны. Как это – лишить человека жизни из-за какого-то телефона? Зачем? Впрочем, помимо легкого удивления, никаких других чувств прочитанное не вызывало. О господине со смешной фамилией Балалайкин Лика никогда не слышала, в доме о нем никогда не говорили, а потому травмирующим фактором его убийство для нее быть никак не могло.

Спустя неделю налетчики совершили второе нападение. На этот раз их жертвой стал сорокалетний Николай Сафонов. Сценарий преступления был тот же: жертву сначала избили, а потом зарезали, орудуя ножом. Эта вторая смерть тоже принесла убийцам лишь сотовый телефон.

В начале августа в районе улицы Ботанической нашли тело тридцатичетырехлетнего Валентина Марэ. У третьей жертвы при себе оказалось около пяти тысяч рублей, которые, разумеется, пропали. И снова убийцы оказались неуловимы. Преступление было совершено около половины двенадцатого ночи, в тихом безлюдном месте, а о камерах видеонаблюдения двадцать лет назад даже мечтать не приходилось.

Четвертым эпизодом стало нападение на сорокапятилетнего Петра Плотникова, произошедшее на улице Володарского. Сначала подростки вместе со своей будущей жертвой и на ее деньги устроили посиделки с выпивкой, а потом затеяли ссору, которая

переросла в драку. В ход снова пошел нож, после чего малолетки забрали у убитого очередной сотовый телефон и семь тысяч рублей, а затем попытались перетащить тело Плотникова в подвал.

Однако шум драки привлек внимание соседей, которые вызвали полицию. Бросив труп прямо во дворе, подростки сбежали. Приехавший наряд выслушал показания жильцов, словесное описание юных преступников передали всем полицейским, дежурившим в этот день, и той же ночью всю четверку задержали. К сожалению, за это время малолетки успели убить Регину Батурину. Тело девушки обнаружили на пляже с ножом в груди.

В ходе расследования преступники признались во всех пяти убийствах. Дело передали в суд, который уже в конце сентября вынес группе несовершеннолетних подростков приговор. Сергей Кривоносов, Константин Соколов и Александр Чернов получили максимальные для несовершеннолетних сроки – по десять лет в воспитательной колонии. Четвертый участник банды, Андрей Богданов, признанный виновным лишь в хулиганстве, был приговорен к трем годам условного лишения свободы. При этом двое подсудимых – Кривоносов и Соколов – за полгода до совершения убийств уже представляли перед судом за совершенную квартирную кражу.

Ну и что нам это дает? Совершенно ничего. Отложив в сторону телефон, Лика закрыла глаза, попытавшись вызвать в памяти хоть какие-то ассоциации с прочитанным. Труп девушки в белом платье с торчащим в груди ножом услужливо всплыл перед глазами. Видение было не новым, совсем недавно оно уже возникало в голове, но больше ничего не происходило.

Лика снова взяла в руки телефон и перечитала заметку еще раз, более внимательно. Лагранж велел отмечать детали, которые на первый взгляд не имеют значения. Впрочем, ничего нового она не узнала, обратив внимание лишь на даты. Первое убийство криминальная четверка совершила пятнадцатого июля. Второе – двадцать второго июля. Человек с красивой французской фамилией

Марэ погиб седьмого августа, а Петра Плотникова и Регину Батурину убили восемнадцатого августа.

В этом месте Лика вздрогнула. Внезапно сотрясшая ее тело дрожь заставила ее залезть под одеяло и обхватить себя за плечи руками. Восемнадцатое августа 2003 года было днем смерти ее деда Андрея Сергеевича Ковалева. Он скончался от сердечного приступа, а его тело на пляже обнаружила неизвестно как оказавшаяся там ночью внучка Луша.

Регину Батурину тоже убили на пляже, неподалеку от ее собственного дома. Что означает это жуткое совпадение, Лика не представляла. Однако оно ей не нравилось.

* * *

Паническая атака, пусть и слабая, знавали и хуже, длилась с полчаса. Когда жуткая дрожь кончилась, а ставшие ледяными руки и ноги согрелись под одеялом, Лика встала, чтобы попить воды. После приступов ее всегда одолевали слабость и сонливость, поэтому, наскоро умывшись и переодевшись в пижаму, она снова залезла в постель и, сама не заметила как, уснула.

Телефон несколько раз звякнул, принесся сообщения от Викентия, но Лика сигналов не слышала, провалившись в глубокий, хотя и беспокойный сон. Снился ей пустынный ночной пляж, по которому она зачем-то брела. Что заставило ее отправиться туда ночью, Лика, точнее Луша, потому что во сне она снова была шестнадцатилетней девчонкой, не знала.

Песок неприятно охлаждал пальцы, потому что она шла босиком. Фонарик она с собой не захватила, да и не было у нее никакого фонарика, поэтому ночная августовская тьма, пусть и не такая густая, как на юге, но все-таки вполне достаточная, скрывала пространство, в котором лишь угадывались очертания скамеек и растущих неподалеку справа деревьев.

Помимо темноты на пляж еще напелзал туман. Видно становилось совсем плохо, накрапывал дождь, вдалеке над заливом гремела гроза, и внутри сна Луша думала о том, что, наверное, надо вернуться домой, где тепло, уютно, безопасно и можно включить стоящий у кровати большой торшер с пушистым абажуром, ярко-желтым и оттого похожим на цыпленка.

Яркий свет фонарика, зажженного кем-то другим, находящимся чуть впереди и сбоку, под деревьями, разрезал белесую от тумана темноту, и во сне Лика снова увидела лежащее на спине тело девушки в белом платье. Только теперь Лика-Луша подошла ближе, с трудом передвигая вязнушие в холодном песке ноги. Еще ближе. Встала рядом с телом, с удивлением глядя в широко открытые в луче света глаза.

На песке лежала Регина Батурина, а в ее груди торчал нож, всаженный по самую рукоятку. Это был нож деда. Лика сразу его узнала по рукоятке. В свободное от других занятий время дед любил мастерить ножи, удобные, острые, подходящие для того, чтобы и колбасу нарезать, и дощечку обстрогать. В их доме имелось несколько таких клинков с фирменной ручкой из бересты.

Фонарик в неведомой руке дрогнул, луч света описал полукруг, из-за чего тело Регины пропало из виду. Луша пыталась закричать, но не успела, потому что ее опередил кто-то другой. Голос походил на дедов, но сильно искажался, она не стала бы биться об заклад, что это был именно он.

– Прочь! – требовал голос. – Прочь отсюда. Беги! Луша, беги!

Она повернулась и побежала, но не к деревьям, под которыми, как ей казалось, притаился кто-то страшный, а в другую сторону, вдоль моря, удаляясь от дома все дальше и дальше. Слева плескались на берег равнодушные воды Финского залива, справа вставали сосны, загораживая выход на тротуар, за спиной оставалось что-то страшное, требующее, чтобы она бежала, уносила ноги, спасалась.

Голос за спиной кричал что-то еще, но его уносил ветер, поэтому слов она разобрать не могла. Потом крик прекратился, точнее превратился в хрип. Стало еще страшнее. Луша не знала, почему остановилась, а потом пошла обратно, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, снова перейдя на бег.

Когда она вернулась на место преступления, а это, разумеется, было оно, что же еще, Регина все так же лежала на спине, устремив в небо глаза, полные то ли боли, то ли бесконечного удивления. Луша поняла, что надо мчаться домой, звать на помощь взрослых, и, преодолевая страх, нырнула под сень деревьев, чтобы выскочить на дорогу, ведущую к жилью.

Внезапно она споткнулась обо что-то, лежащее на земле, упала, больно ударившись головой о корень сосны, выступающий из песка. Лежа на земле, она заплакала от боли, но сквозь их пелену все-таки разглядела, что то, обо что она споткнулась, оказалось телом ее деда. Он лежал не на спине, как Регина, а на боку, немного скрючившись и прижав руки животу.

Не издавая ни звука, Луша поднялась и медленно, словно сомнамбула, пошла в сторону дома. Внутри своего сна она дошла до знакомого крыльца, поднялась по нему, дошла до спальни, где спала бабушка, затрясла ту за плечо. Проснувшись, та повернулась к внучке:

– Луша? Ты чего не спишь? У тебя что-то болит?

Повернула голову в сторону пустой половины кровати.

– А дед где? Что вы колобродите-то, полуночники?

По внучкиному лицу она, видимо, поняла, что случилось нечто серьезное, встала с кровати, потянула с кресла халат.

– Ты молчишь-то чего, Луша?

Не отвечая, девочка повернулась и пошла обратно, к выходу из дома, а потом туда, где под соснами остался дед, а на песке Регина. Бабушка едва успевала за ней, бормоча под нос то ли молитвы, то ли ругательства. Заметив мужа, с криком бросилась к нему, упав рядом на колени, начала расстегивать пуговицы рубашки.

С того места, где они остались, Регину было не видно, поэтому Луша шла дальше, остановившись почти у самого тела, там, где стояла в первый раз, когда неведомый голос погнал ее прочь. Сейчас ее по имени звала бабушка, не понимавшая, куда подевалась внучка. И, лишь заметив ее, выходящую из-под сосен, девочка в глубоком обмороке упала рядом с Региной.

Сейчас, проснувшись, она села в кровати тяжело дыша. Интересно, ей сейчас приснилось то, что случилось в ту ночь на самом деле? Мама говорила, что тело умершего от обширного инфаркта деда нашла именно она. Вот только про убийство Регины ей не сказали ни слова. По рассказам мамы, Луша, проснувшись ночью, зачем-то пошла на пляж и по дороге наткнулась на деда, который к тому моменту был уже мертв. У нее хватило душевных сил сбегать за бабушкой и привести ее к месту трагедии, после чего она упала в обморок, очнувшись от которого совершенно ничего не помнила.

Если Регину Батурина убили той же ночью, то дед вполне мог стать свидетелем преступления либо найти девушку мертвой. От увиденного ему и сделалось плохо. Да, все сходится. Но почему мама не упоминала про убийство? Ответа на этот вопрос у Лики не было.

Еще ее очень смущал увиденный во сне нож, торчащий из груди Регины. Это совершенно точно был фирменный нож Андрея Сергеевича Ковалева с ручкой из бересты. Дед всегда утверждал, что березовая кора является лучшим материалом для изготовления рукоятки для ножа. Бересту он всегда собирал загодя, подходя к этому вопросу основательно, впрочем как и к любому другому. Надрезал квадратики на стволе березы, а затем аккуратно и медленно отделял ее от дерева.

Березы в лесу он использовал только недавно упавшие, живые деревья не трогал, считая это живодерством. Далее в каждом кусочке коры он делал посередине небольшое отверстие, вставлял в него шпильку небольшого диаметра, на одном конце которой накручивал гайку и шайбу в качестве ограничителя. На шпильку

надевалась стопка берестяных заготовок, необходимая для того, чтобы смастерить рукоятку.

Стопка закреплялась второй гайкой и шайбой, которая затягивалась до упора, после чего конструкция опускалась в кипящую воду. В процессе варки все это великолепие иногда вытаскивалось из воды, гайки подкручивались, чтобы кусочки бересты оказывались намертво прижатыми друг к другу. После варки заготовка снималась со шпильки и просушивалась, после чего слои склеивались между собой.

У них дома было несколько таких ножей. Лика вдруг вспомнила, что в тот раз, когда бабушка наводила порядок в мастерской, судорожно протирая тряпкой поверхности, она собрала и куда-то унесла все дедовы ножи. Лика тогда хотела спросить, зачем она это делает, но не стала. А потом приехали мама с папой и после похорон увезли ее домой, а потом к ним переехала бабушка.

Лике внезапно стало душно. Откинув одеяло, она спустила ноги с кровати, прошлепала к окну, из которого открывался вид на освещенный бассейн. Красиво! Накинув на плечи халат, она с ногами забралась на широкий подоконник, вдохнула полной грудью воздух, который пах смесью моря, сосен и хлорки, постаралась размеренно дышать, чтобы окончательно прогнать ночной кошмар. Именно так ее учили психиатры.

Интересно все-таки, это был сон-фантазия или всплывающие воспоминания? Она снова и снова возвращалась к тому, что ей приснилось, все больше приходя к мысли, что действительно помнит эти события. Неужели поездка в Сестрорецк поможет вернуть ей память?

Раздавшийся крик, смутный, едва слышный, отвлек ее от мыслей, заставив наострить уши. Крик повторился. Женский, отчаянный, он доносился со стороны пляжа, на который она сегодня так и не заставила себя ступить. Что ж, если она двадцать лет назад и впрямь нашла не только деда, но и мертвую Регину, это неудивительно.

Соскочив с подоконника, Лика взяла с прикроватной тумбочки телефон и посмотрела на часы. Половина третьего ночи. Окна, которые она могла разглядеть из своего номера, были темны. Отдыхающие спали. Здание, различимое сквозь деревья за бассейном, где располагались второй ресторан, спа-комплекс и часть номерного фонда, тоже было погружено во тьму.

И снова крик, на этот раз хриплый. Господи, точно как в ее сне! Лика скинула с плеч халат и решительно начала одеваться. «Делай то, чего боишься», – услышала она в голове голос своего психолога и покрепче сжала зубы. Именно так она сейчас и поступит, чтобы прогнать свои страхи навсегда.

Так, белье, джинсы, футболка, толстовка, носки, кроссовки. Волосы завязать в хвост. Да, телефон. В нем как раз и фонарик есть. И ключ от номера, иначе она потом не попадет обратно. Все. Она готова.

Шагнув на ковролин коридора, Лика придержала рукой дверь, на секунду усомнившись в том, что поступает правильно. Может, позвать на помощь дежурную? Или сразу вызвать полицию? А вдруг ей показалось? Вдруг все это наваждение, вызванное ее сном? Или, как вариант, на пляже просто кто-то дурачится?

– Вот и проверим, – сказала она себе, прогоняя сомнения.

Дверь с мягким щелчком захлопнулась, отрезая путь к отступлению. На ресепшене, положив голову на сложенные на столе руки, сладко спала девушка Ирина. Второй дежурной, той, что постарше, Эльмиры Степановны, она не увидела. Наверное, она заслужила ночной отдых в горизонтальном положении в какой-нибудь подсобке, а может, до утра в гостинице остается только один администратор? Что может произойти ночью?

Тихонечко ступая, чтобы не разбудить уставшую за день девушку, Лика вышла из отеля на улицу и повернула направо, к кованой калитке. На Пляжной улице не было ни души. У Лики мелькнула мысль набрать номер телефона Антона Таланова, но она тут же отбросила ее из-за очевидной глупости. Не хватало еще будить

постороннего человека ночью только из-за того, что ей что-то слышалось.

Шагнув под сосны, она достала телефон и включила фонарик, чтобы не споткнуться о корни и не упасть, как это было двадцать лет назад. Яркий луч рассеял темноту, и Лика очертила рукой в воздухе круг, чтобы убедиться, что под деревьями никто не прячется. Там никого нет, и она вздохнула, чувствуя, как отпускает напряжение. И чего, спрашивается, испугалась?

Дойдя до кромки песка, она снова на мгновение остановилась, как днем, когда внутренняя паника не дала ей идти дальше. Сейчас никакой паники она не чувствовала, и Лика вышла из-под деревьев на широкую песчаную полосу пляжа. От воды пахло морем и немного тиной. Пляж был пустынен и тих. Абсолютную тишину нарушал лишь тихий плеск волн. Ни тебе криков, ни стонов.

Лика повернулась, чтобы пойти обратно в гостиницу, но тут же остановилась, решив хоть немного пройтись. Не зря же она потащила куда-то в третьем часу ночи! Кроссовки не пропускали песок, идти вполне комфортно, отсутствующее чувство привычного страха было таким приятным, что Лике вдруг захотелось запеть.

Дай мне ладонь, я погадаю.

Забудь про сон – это обманы для тебя.

Твой прежний дом не допускает,

Чтоб ты забыл, где была твоя земля^[1], –

затянула она песню, которую исполняла певица Ньюша. Шаг, еще шаг.

Сейчас она дойдет до кромки воды, поздоровается с Финским заливом, попросит прощения за то, что так долго не приезжала, а потом вернется в свой номер и крепко заснет. Теперь она знает, что ее напугало так сильно, что она потеряла память. Не каждая психика

справится с найденным трупом. Даже дед не справился, получил инфаркт. А на нее, шестнадцатилетнюю девчонку, свалился двойной стресс. Она нашла сразу двух покойников. И теперь, когда все встало на свои места, сможет спокойно жить дальше.

*Я не боюсь, я улыбнусь – и, знаешь,
Я не боюсь, если ты рядом, я улыбаюсь...
Я не боюсь, я улыбнусь и, – и знаешь,
Я не боюсь – знаю, ты рядом, я улыбаюсь...*

Она снова подняла фонарик, чтобы случайно не шагнуть в воду и не промочить ноги, и отпрянула. На мокром песке лежало тело. Этого просто не могло быть. Действуя машинально, Лика подошла ближе. Молодая женщина примерно ее лет лежала на спине, устремив в небо мертвые глаза. В груди у нее торчала рукоятка ножа. К счастью, не берестяная.

В свете фонарика можно было разглядеть, что она блондинка и довольно красивая. Из памяти всплыло мертвое лицо Регины Батуриной. Незнакомка странным образом на нее походила. По крайней мере, Регина, доживи она до тридцати шести лет, выглядела бы именно так.

Неужели галлюцинации? Конечно, раньше они не проявлялись, но все когда-то случается в первый раз. Она присела и, преодолевая отвращение, прикоснулась к руке женщины. Та была еще теплая, то ли ее убили совсем недавно, то ли женщина жива и ее еще можно спасти. Вскочив, Лика со всех ног бросилась в отель, чтобы позвать на помощь.

Она уже преодолела песчаную косу с соснами и выскочила на дорогу, когда ей послышался шум двигателя автомобиля. Впрочем, ждать было нельзя, а вдруг оставшейся на пляже незнакомке удастся

помочь? Лика рванула калитку и со всех ног помчалась по каменистой дорожке к входу.

– Ирина, просыпайтесь! – В этот раз она вовсе не боялась нарушить покой дежурного администратора.

Девушка подняла голову и посмотрела на Лику мутными со сна глазами.

– Что случилось? Вам плохо?

– Нет, не мне. Там на пляже женщина. Ее ударили ножом. Я даже не поняла, умерла она или нет. Звоните!

– Куда?

– В «Скорую». И еще в полицию. Вы понимаете, на пляже совершено преступление!

– Там что, труп? – Голос Ирины поехал куда-то вверх и вбок.

– Я не знаю, – нетерпеливо повторила Лика. – Звоните, пусть полиция разбирается. И врачи.

Ирина принялась послушно набирать номер. Закончив разговор, она положила трубку и с беспокойством уставилась на постоянлицу.

– Они велели, чтобы вы тоже ждали.

– Разумеется, я подожду. Может, мы с вами пройдем на берег? Туда, где лежит тело?

– Я не пойду. – В голосе Ирины слышались близкие слезы. Ну да, она же еще девочка совсем. Понятно, что ей страшно. – Да я и не могу, по правилам, оставить рабочее место.

– Может, разбудить Эльмиру Степановну?

– Но ее здесь нет. У нее другой график работы. Она работает день, ночь, потом двое суток выходная. Суток не берет. Ночной портье только один. Работы же немного.

– А если что-то случится?

– Я должна вызвать старшего менеджера. Это несложно. Она живет неподалеку.

– Вызывайте, – решительно скомандовала Лика. – Эта женщина на берегу может быть отдыхающей из вашего отеля. Кому-то все равно придется ее опознать.

- Я не смогу. – Ирина практически плакала. – Я боюсь покойников.
- Тогда тем более звоните менеджеру.

Полиция и «Скорая» приехали через десять минут. Ирина открыла шлагбаум, чтобы они могли подъехать к самой калитке.

– Что тут у вас случилось? – спросил полицейский, представившийся капитаном Спиридоновым.

– Я нашла на пляже женщину, возможно мертвую. Но я не проверяла.

– Так уж и мертвую, – усомнился капитан. – Может, пьяную?

– У нее из груди торчит нож, который ей вогнали практически по рукоятку, – мрачно объяснила Лика. – Пьяная она при этом или нет, понятия не имею. Мне кажется, что в данной ситуации это второстепенно.

– Нож... По рукоятку... А вы, простите, кто?

– Меня зовут Гликерия Ковалева, я отдыхаю в этом отеле. Проснулась ночью, услышала женский крик, пошла посмотреть, что случилось, и нашла на берегу тело. Господи, а еще говорят, что снаряд дважды не попадает в одну воронку!

– Что вы имеете в виду?

– Дело в том, что здесь двадцать лет назад уже было совершено убийство на пляже. Жертву знали Регина Батурина. Она была моей соседкой, я гостила тут неподалеку, у бабушки с дедушкой. И, кажется, нашла на берегу тело Регины.

– Кажется?

– У меня в ту ночь умер дед, который тоже наткнулся на убитую девушку. У него случился инфаркт. Я нашла их обоих и привела бабушку, вот только ничего этого много лет не помнила. Диссоциативная амнезия, вызванная стрессом. Я с тех пор сюда не приезжала. Только сегодня собралась. То есть уже вчера.

– Приехали и вспомнили, значит. Ладно, разберемся. Показывайте, кого вы там нашли.

Они вышли на улицу и зашагали к калитке. Следом за ними шла бригада врачей «Скорой помощи».

– Ты кругом объедаешь, – отдал указание шоферу врач. – Подгони машину по Пляжной улице. Ближе будет.

В полном молчании они пересекли променад и полосу сосен, вышли на песок и зашагали к кромке воды. Лика уверенно шла впереди и вдруг остановилась. На том месте, где она пятнадцать-двадцать минут назад оставила лежать незнакомку с ножом в груди, сейчас никого не было.

– Ничего не понимаю, – пробормотала она.

– Та-а-ак, – протянул капитан Спиридонов голосом, не предвещавшим ничего хорошего. – И где ваш труп?

– Труп не мой. Я жива и здорова, – сообщила Лика, озираясь по сторонам. – Это была женщина примерно моих лет, со светлыми волосами, одетая в черный брючный костюм. У нее из груди торчал нож. Это я хорошо запомнила. Может быть, она не умерла, а после того, как я побежала за помощью, сумела встать и пойти?

– С ножом в груди? – скептически поинтересовался капитан и кивнул сопровождавшему его второму полицейскому, видимо напарнику. – Погляди.

Тот прошел по пляжу в обе стороны, но ничего подозрительного не обнаружил. Бригада «Скорой» маялась неподалеку, явно не понимая, что ей делать.

– Так. Дамочка, вы понимаете, что мы сейчас будем оформлять ложный вызов? – спросил у Лики Спиридонов.

– Он не был ложным. Я. Нашла. На пляже. Убитую. Женщину. Или раненую. И вызвала полицию.

– И куда она, по-вашему, подевалась?

– Без понятия. Я не исключаю, что преступник прятался где-то неподалеку и, пока я ждала вас, просто увез тело, чтобы скрыть улики. Я слышала, неподалеку работал мотор машины.

– Что за машина? Какой марки? Цвет? Кто был за рулем?

– Я ее не видела, только слышала.

– Так, дамочка. Вы зачем нам голову морочите?

– Да не морочит она, – вступил в разговор пожилой врач «Скорой». – Ясно же как белый день, что тут произошло. Двадцать лет назад на этом месте действительно было совершено убийство. Банда малолеток девочку убила. Если эта женщина действительно была свидетельницей и страдает психическим расстройством, то у нее просто события прошлого наслоились на нынешние впечатления, связанные с приездом, вот и все.

– Я не страдаю галлюцинациями, – рассердилась Лика и осеклась, вспомнив, что в первый момент при виде трупа именно так и подумала.

– Вам могло это присниться. Вы проснулись, пришли на пляж, фактически в состоянии сомнамбулизма, а потом очнулись и приняли сон за реальность.

– Лунатизмом я не страдаю тоже. И я не сумасшедшая. У меня диссоциативная амнезия, но я начинаю вспоминать.

– Вот видите. Вы приняли воспоминания за реальность, только и всего. Хотите я вам угол успокоительного сделаю?

– Мне не нужен никакой укол!

– Тогда мы поедем. Всего доброго.

Медики уехали, полицейские повернулись к Лике:

– Мы тоже прощаемся. Вы вернетесь в отель или тут останетесь?

Нет, оставаться одной на пляже, с которого только что пропал труп, Лика не собиралась и молча двинулась за полицейскими в сторону отеля. Из калитки им навстречу вышла женщина лет сорока пяти, одетая в свитер и джинсы.

– Я старший менеджер отеля «Зеландия» Нина Полунина. Что тут произошло?

– Ничего, – лениво сказал капитан Спиридонов и зевнул. – У одной из ваших постоялиц видения. Ей трупы на пляже мерещатся.

– Мне ничего не померещилось, – проскрежетала Лика.

– До свидания.

Полицейские дошли до своей машины, сели в нее и уехали. Лика и женщина остались стоять перед входом.

– Вам нужна помощь? – спросила администратор участливо.

– Какая помощь?

– Может быть, медицинская?

– У меня все в порядке. – Лика вдруг почувствовала, что очень устала. – Поверьте, я действительно нашла на пляже тело женщины, которое потом исчезло.

– Ну, значит, найдется, – администратор тоже вздохнула. – Или не найдется. Все тайное, знаете ли, всегда становится явным. Идите к себе. Если вам понадобится врач, то обращайтесь к Ирине.

– Мне не понадобится никакой врач. Но в любом случае простите. Из-за меня вас подняли среди ночи.

– Ничего. У меня работа такая. Сейчас успокою Ирочку и поеду домой, досыпать. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – пробормотала Лика и пошла в свой номер.

Она была уверена, что не сомкнет глаз, но уснула, едва ее голова коснулась подушки.

Проснулась она от телефонного звонка. Звонила мама, обеспокоенная, что дочка накануне не выходила на связь.

– У тебя все хорошо? – встревоженно спросила мама.

Вот как ответить на такой вопрос? Не рассказывать же, что ночью ее опять понесло на пустынный пляж, на котором она снова нашла труп, только он исчез. А теперь сотрудники отеля, в котором она живет, вместе с сотрудниками полиции считают ее ненормальной.

– У меня все хорошо, – сказала Лика преувеличенно бодрым голосом. – Я вчера побывала в нашем бывшем доме. Ты знаешь, там живет удивительная женщина Светлана. Это ее родителям бабушка продала дом, и они до сих пор все вместе там живут и очень его любят. Они, конечно, многое там переделали, но сам дом цел, и это прекрасно. Рядом настроены такие особняки, что я, увидев их, испугалась поначалу.

О том, что особняк стоит на месте старого дома Батуриных, она умолчала, понимая, что фамилию эту называть нельзя, чтобы не

выйти на все остальное, в данный момент запретное из-за исчезнувшего трупа.

– А еще ты не поверишь, когда узнаешь, кого я встретила. Антошу Таланова. Помнишь, соседский мальчик, которого я кормила кашей, потому что он отказывался есть ее из чьих-то рук, кроме моих?

Мама сказала, что помнит.

– Папа считает, что ты правильно сделала, что поехала, – помолчав, добавила она. – Я, конечно, не уверена, что эта поездка пойдет тебе на пользу, но раз вы оба так считаете... Папа убежден, что ничего плохого ты не узнаешь...

Она замолчала, словно поняла, что проболталась. Лика не стала уточнять, что конкретно плохое она могла узнать, теперь понимая, что речь идет о смерти Регины Батуриной. Эта давняя смерть, всплывшая в глубинах подсознания, признаться, интересовала Лику гораздо меньше, чем тайна найденного на пляже трупа.

Часы показывали половину десятого, и она поспешно вскочила с кровати, чтобы не пропустить завтрак. Кажется, при заселении ей говорили, что он до одиннадцати. Приняв душ и собравшись, она вышла из номера и за стойкой ресепшена увидела двух незнакомых девушек, сменивших одежу Ирину. У одной девушки глаза были голубые, у другой – яркие черные.

При виде постоялицы обе оборвали разговор и уставились на Лику со жгучим любопытством. «Уже в курсе», – поняла та и приняла максимально независимый вид, на который только была способна.

– Доброе утро.

– Здравствуйте, – отмерла темноглазая девушка, видимо вспомнив профессиональные обязанности. – У вас все хорошо?

– Просто отлично, – заверила ее Лика.

– Завтрак ждет вас. Он накрыт в соседнем корпусе, который называется «Дача Шаляпина», там Федор Иванович останавливался. До революции еще.

– Гузель, – одернула заболтавшуюся напарницу голубоглазая.

Та смутилась и замолчала.

Завтраки в «Зеландии» оказались на высоте, впрочем, как и все остальное. К ним даже прилагалось шампанское двух видов, розовое и белое, но пить с утра Лика не стала, решив, что ясная голова ей точно понадобится. Ресторан был уже практически пуст, в нем сидели лишь пожилая пара и семья с маленьким ребенком.

Все остальные гости отеля давно позавтракали и разошлись по своим делам. Лежаки у бассейна уже были заняты, на них с удобством располагались пожилые дамы, а молодые мамы занимали пространство детскими надувными кругами, ведерками, игрушками и панамками. Летняя жизнь кипела здесь вовсю.

– Я ужасно спала, – пожаловалась мужу сидящая за соседним столиком старушка.

– Ты же с вечера приняла таблетку, я видел.

– Да, и мне даже удалось уснуть, но я проснулась посередине ночи оттого, что за окном кто-то кричал. И больше я не смогла уснуть. Лишь в районе шести утра забылась.

Лика наострила уши.

– Кто кричал? – спросил пожилой мужчина.

Им обоим было лет по семьдесят, не меньше. Но, судя по одежде и украшениям на женщине, недешевый отдых в «Зеландии» они могли себе позволить.

– Не знаю. Я совершенно точно проснулась от женского крика, а потом слышала еще один. Меня это растревожило.

Значит, не одна Лика слышала женские крики, доносившиеся с пляжа. Их было три, она это точно знала, потому что в тот момент, когда незнакомка начала кричать, в отличие от старушки уже не спала, а сидела на подоконнике, отходя от своего тревожного сна.

– Тебе наверняка показалось, – безапелляционным тоном заявил мужчина. – Кто тут может кричать? Если только от любовных утех.

– Нет, эта женщина кричала от страха, – задумчиво сказала его жена. – Впрочем, ты прав. Нас по-любому это не касается.

Со вкусом выпив вторую чашку кофе, Лика вышла из ресторана и, не заходя в номер, отправилась на пляж. Ей нужно найти другие

доказательства, что ночное происшествие ей не привиделось. Однако на пляже ее ждало разочарование. Утром здесь разровняли песок трактором, вдоль всего берега тянулись характерные полосы, свидетельствующие о хозяйском подходе, вот только все следы, если они и были, оказались безжалостно стерты.

На всякий случай Лика прошла от того места, где вчера лежало тело, вправо и влево метров на двадцать, но разрыхленный ровный песочек надежно скрывал все тайны. Немного подумав, она вернулась к началу и теперь пошла в сторону сосен и скрывавшейся за ними дороги, внимательно глядя под ноги. Если услышанный ею вчера шум мотора связан с исчезновением тела, то вполне возможно, что какие-то улики остались под деревьями. Там же не проходила борона.

Поиски были тщетны. Лика уже собралась признать поражение и уйти, как вдруг в траве что-то блеснуло. Она присела, чтобы разглядеть получше. Притулившись к выступающему корню сосны, в песке лежала сережка, по виду довольно дорогая, по крайней мере, россыпь камушков на ней была похожа на черные бриллианты, пусть и некрупные.

Интересно, имела эта находка отношение к вчерашнему трупу или нет? Лежащая на берегу девушка была в черном брючном костюме, но украшения на ней Лика не разглядела. Оно и понятно, в темноте и стрессе это вряд ли возможно. Немного подумав, Лика сфотографировала свою находку с разных ракурсов, чтобы как можно лучше зафиксировать ее местонахождение, а потом вытащила из рюкзака футляр из-под темных очков, достала салфетку, служащую для протирания линз, аккуратно захватила ею сережку, чтобы не смазать отпечатки пальцев, поместила в футляр и прикрыла салфеткой.

Тут потенциальная улика будет в полной безопасности. Если что-то прояснится, то Лика отдаст ее в полицию, а если нет, то перед отъездом оставит администратору отеля. Вдруг она ошибается,

сережка не имеет к случившемуся на пляже никакого отношения и ее хозяйка, живая и здоровая, ищет свою пропажу?

Часы уже показывали полдень, возвращаться в отель не хотелось, обозреть окрестности Сестрорецка тоже. Зуд расследования, хорошо знакомый каждому сыщику, будоражил кровь. Немного подумав, Лика решила дойти до Светланы. Вдруг ее семья тоже ночью что-то слышала? Конечно, бывший дом бабушки и деда стоит в глубине и чуть в стороне, но что-то же погнало маленькую Лушу на пляж той ночью двадцать лет назад! Возможно, она что-то услышала, просто не помнит. А вдруг и вчера новые жильцы их дома тоже что-то слышали или видели?

Светлана в беседке возилась с царским вареньем.

– Добрый денек! – крикнула она, завидев Лику у забора. – Заходите.

– Спасибо! – тоже крикнула в ответ Лика. – Давайте я вам помогу.

– Оно вам надо? – усомнилась Светлана. – Это такое дело нудное.

– Я помню. – Лика засмеялась. – Меня бабушка всегда усаживала чистить крыжовник перед варкой этого варенья. Я, признаться, это занятие ненавидела, а сейчас поняла, что соскучилась.

– Тогда сейчас фартук принесу. Ягода сладкая, липкая, испачкаетесь.

В четыре руки дело пошло быстрее. Лика отрезала хвостики и выдавливала содержимое ягоды, а Светлана споро и точно вставляла внутрь кожицы почищенные и мелко порубленные грецкие орехи. Гора ягод в ведре становилась все меньше, а в предназначенном для варки тазу все больше.

– Из сердцевинки я джем варю, – рассказывала хозяйка. – Также вкусно, хотя и не так красиво, как само варенье. Но с блинами самое то. Мои любят. Как вам тут дышится?

– Замечательно, – слегка покривила душой Лика. – Только вот ночью спала плохо. Сначала сон страшный приснился, у меня бывают кошмары. А потом женщина какая-то кричала. Не слышали?

– Нет, – покачала головой Светлана. – Хотя муж что-то говорил. Он, простите, в туалет вставал, так ему показалось, что на пляже какая-то женщина кричала, а потом чуть позже вроде «Скорая» куда-то проехала.

Да, «Скорая» была. Это точно. Лика размышляла над тем, что еще спросить, чтобы побольше узнать по интересующей ее теме, но не успела, потому что калитка открылась и появился высокий, довольно красивый мужчина, по виду ровесник Светланы, отчего-то показавшийся Лике смутно знакомым.

– Светлана Леонидовна, добрый день.

– Здравствуйте, Константин Ливерьевич.

– Был в школе по делам, заодно выяснил, когда приемка к новому учебному году. На двадцать второе число назначена. Пойдете?

– Да, спасибо, обязательно. А то потом не допросишься, чтобы недоделки устранили. Знакомьтесь, это Лика, она в «Зеландии» отдыхает, а раньше в этом доме ее бабушка и дедушка жили. А это Константин Ливерьевич Благушин, мой сосед и коллега.

– А я ведь вас помню, – сказала Лика, потому что действительно вспомнила. – Вы историю преподавали, а летом иногда на пляже вместе с детворой пекли картошку в золе и очень интересно рассказывали про Сестрорецк, Питер и Финский залив. А еще как-то собрали нас и отвезли на экскурсию в Кронштадт. Он тогда совсем закрытый был, но вы как-то договорились.

– Было такое, – улыбнулся Благушин. – А вы, значит, внучка Анны Ивановны и Андрея Сергеевича. Давненько вас тут не было видно.

– Да, я их внучка. И да, давненько. Я двадцать лет тут не была, вот решила приехать, вспомнить детские годы.

– Детство – чудесная пора, – согласился ее собеседник. – А остановились у Светланы Леонидовны? В отчем доме, так сказать.

– Нет, я в «Зеландии» живу, – улыбнулась Лика. – Со Светланой мы только вчера познакомились. А вы, значит, все так же в школе работаете?

– Да-да. Все так же сею разумное, доброе, вечное. История, знаете ли, за двадцать лет совершенно не изменилась. Да и дети тоже.

Со сказанным Лика могла бы поспорить, но не хотелось. Ярко светило солнце, гудели над ухом то ли жуки, то ли шмели, тек по пальцам сладкий крыжовенный сок.

– А у вас еще дочка была, – вспомнила она. – Маленькая такая, смешная, с тоненькими косичками. Ей лет пять было, когда я ее видела в последний раз. Только вот не помню, как ее звали, вы уж простите.

– Да ну что вы! – Благушин засмеялся. – Было бы странно столь серьезной шестнадцатилетней барышне, коей вы были в то время, интересоваться пятилетней пигалицей. Иришкой ее зовут. Ныне уже взрослая совсем девица. Ладно, дамы, рад был вас повидать, но пойду домой. Затеял небольшой ремонт крыши, до конца каникул надо успеть.

– Вы уж простите, Константин Ливерьевич, что я вам чаю не предлагаю, но у нас тут вот! – Светлана провела руками над заставленным столом. – Если придете послезавтра, то угощу свежим царским вареньем. Сегодня сварю, завтра настоится, и готово будет.

– Зайду обязательно, вся округа знает, что в варке варенья вам равных нет. Впрочем, как и в пирогах. Выпечка Эльмиры Степановны вашей в подметки не годится.

– Только ей об этом не говорите. – Светлана озорно засмеялась. – Обидится.

– Женщин обижать нельзя, – заметил гость и ушел, снова оставив хозяйку и Лику одних.

– Чудесный человек и учитель от бога, – доверчиво поделилась Светлана, вернувшись к крыжовнику. – Жаль, овдовел рано. Дочка его в выпускном классе училась, когда мать от рака поджелудочной железы умерла. Почитай, за два месяца сгорела. Хотя до этого болела часто. Жили-то душа в душу. Константин Ливерьевич, сами видите, мужчина видный, а в молодости так и вообще красавцем

был. Сколько в него школьниц повлюблялось – страсть! Да и учительниц тоже. И все на глазах у жены. Она тоже в нашей школе преподавала, математику. Так вот ни разу он никого в неловкое положение не поставил. Умел так поговорить, чтобы и не обидеть, и место указать. Да и сейчас умеет.

– Это вы про Эльмиру Степановну? – Лика вспомнила разговор, который вели две администраторши при ее заселении. Про пироги, которые эта самая Эльмира должна была занести отцу своей напарницы. А ту зовут как раз Ириной, значит, она Благушина дочка.

– Ну да. В двух улицах отсюда живет. С мужем как развелась, так и положила на Константина Ливерьевича глаз. Вернее, с юности она на него заглядывалась. Правда, на время успокоилась, даже замуж вышла, и вот... На колу мочало, начинай сначала. Прокладывает путь к сердцу мужчины через желудок. И Иришку в помощницы привлекла. Мол, негоже мужчине одному жить, ему ласка нужна и женское внимание, да и в дом хозяйка. Ты, мол, Ирина, замуж выйдешь и о муже заботиться будешь, а отец один останется. В общем, уболтала девчонку, так что в два голоса теперь стараются.

– А Константин Ливерьевич что? – Лика вдруг заинтересовалась, хотя излишним любопытством никогда не страдала.

– А он кремень. – Светлана внезапно рассмеялась так весело и задорно, что разом помолодела лет на десять. – Вы же Эльмиру видели. Ну не пара она ему, что уж греха таить. Он же хоть и мой ровесник, а красавец. Молодые женщины заглядываются, куда уж Эльмире с ними тягаться!

– То есть у него кто-то есть?

– Да уж наверное. – Светлана пожала плечами. – Мужик он еще молодой, здоровый. Почему бы и не быть? Я его как-то с одной женщиной видела даже, но не у нас в Сестрорецке, а в Питере. В торговый центр заехала по дороге от сына, и там Константин Ливерьевич с дамой. Она молодая. Не девочка, конечно, но твоих примерно лет, может, чуть старше. Эльвира бы увидела – умерла. Но блюдет он себя, чтобы никто ничего не узнал. Репутацию бережет.

Это и верно. Город маленький, он учитель, вся жизнь на виду. Вот если серьезно сладится с кем, тогда можно и рассказывать. Но это вряд ли, уже восемь лет один да один. Я как-то спросила по-соседски. Шашлыки мы тут у нас жарили, выпили немного, вот я и решилась. А он так серьезно посмотрел на меня и сказал: «Я, Светлана Леонидовна, однолюб». Вот как бывает.

Женщина вздохнула.

Еще за час они расправились с крыжовником, Светлана унесла таз в кухню, где поставила на плиту, а сама накрыла стол к обеду. Лика начала отнекиваться и прощаться.

– И не думай даже, – прервала ее неловкие отказы Светлана. – Ты так мне помогла, я бы одна еще несколько часов корячилась. И незачем тебе в ресторане обедать. Дорого там, поди. А у меня окрошка на домашнем квасе и курочка, с черносливом тушенная. Что ж мне одной обедать, в компании-то веселее!

Лика позволила себя уговорить. Светлана ей нравилась, как и новая атмосфера ее старого семейного дома. Здесь по-прежнему жила любовь, а потому и дом не старел, не болел, не рассыпался, не стонал под ногами. Жизнь продолжается, вот что давал он понять присматривающейся к нему Лике. Впервые за много лет она с этим согласилась.

* * *

У Светланы она просидела до пяти часов. Их ладно текущую беседу прервал телефонный звонок Антона Таланова, сообщившего, что он сдал свою срочную работу и готов приступить к обязанностям сопровождающего.

– Если ты не передумала, то завтра съездим на кладбище к твоему деду. Отправимся на машине, все-таки не близко. Зато сегодня я предлагаю прокатиться по окрестностям на велосипедах. Ты как, готова к физическим нагрузкам?

Лика неожиданно воодушевилась, хотя к сильно спортивным людям себя не относила. Более того, на велосипеде она в последний раз сидела в далеком детстве. Здесь, в Сестрорецке, вся ребятня гоняла на великах, и у нее он тоже был, подаренный дедом. Она никогда не забирала велосипед домой, потому что зимой на нем все равно не покататься. Он оставался ждать ее в Сестрорецке до следующего лета и сгинул после продажи дома.

Бабушка тогда вообще практически ничего с собой не привезла, только одежду. Даже альбом с семейными фотографиями остался в старом доме. Лика все хотела спросить Светлану, куда он подевался, но так и не решилась, боясь услышать, что его выбросили. Кому нужны старые воспоминания?

– Давай прокатимся, – сказала Лика Антону. – Только недалеко. Я не садилась на велосипед двадцать лет.

– Боишься, что разучилась? Так это невозможно.

– Нет, просто боюсь, что вдруг упаду, да болеть все будет с непривычки потом.

– Ладно, недалеко так недалеко. Ты сейчас где? В отеле?

– Нет, у Светланы.

– Тогда приходи к моему дому, а я пока выкачу велосипеды. Ты помнишь, где это?

– Конечно. – Лика даже засмеялась, оттого что, по его мнению, могла это забыть. – Через две минуты буду.

Распрощавшись со Светланой и получив приглашение приходить в любое время, Лика вышла из калитки, повернула направо и по все той же узкой улочке-тропинке пошла к видневшемуся неподалеку дому, поблескивавшему синей, разумеется новой, крышей. Да, многое здесь изменилось за двадцать лет, и даже те дома, которым повезло не быть снесенными, выглядели по-новому.

Антон уже ждал ее снаружи забора, к которому оказались прислонены два велосипеда. Один она уже видела накануне, на нем Таланов приезжал вчера к Светлане, а второй оказался тоже

новеньким, блестящим, довольно дорогим и явно женским. Это Лика поняла, хотя совсем не разбиралась в велосипедах.

– Откуда у тебя женская модель? – спросила она на правах почти старшей сестры. – Дамы сердца?

– Нет, мои дамы не посягают на мое сердце, а следовательно, и на территорию настолько, чтобы хранить у меня свои велосипеды. Это моей младшей сестры, Юльки.

– У тебя есть младшая сестра? – Лика удивилась, потому что в ее воспоминаниях Антоша являлся единственным ребенком в семье Талановых, отчего и капризен был без меры.

– Да, родители решились на второго ребенка, когда мне исполнилось десять и им надоело надо мной трястись. Это сильно улучшило мой характер, потому что они наконец-то от меня отстали со своими заботами и переключились на сестру. Юльке восемнадцать, первый курс оканчивает. Чумовая девица, я вас обязательно познакомлю.

Да, привычный детский мир необратимо изменился. Другими стали не только дома, но и люди. Лика подошла к велосипеду, сверкающему на солнце хромированными частями, опасливо взялась за руль, перекинула ногу, коснулась педалей, села и покатила так легко, будто делала это каждый день.

– Здорово! – крикнула она Антону, с улыбкой наблюдавшему за ней. – Догоняй!

Идя сюда, она решила, что Таланов именно тот человек, которому можно рассказать про таинственное ночное происшествие, не опасаясь, что тебя поднимут на смех. Нет, Лика вовсе не думала, что ему что-то известно про случившееся на пляже. Его дом стоял совсем далеко от берега, так что никаких криков он слышать не мог, но ей же очень нужно с кем-то посоветоваться или хотя бы просто выговориться.

Впрочем, сейчас, с велосипеда, это не так-то просто сделать. Они то ехали рядом, то выстраивали своих железных коней друг за другом, да и за дорогой нужно было следить, не отвлекаясь на

разговоры. Еще свалиться не хватало. Проехав через Средний парк, они вернулись на берег Финского залива, слезли с велосипедов и уселись на больших камнях, оставшихся с их детства.

– Антош, мне нужно с тобой поговорить, – сказала она, легонько вздохнув.

– Я тебя слушаю, – тут же откликнулся Таланов.

Лика начала рассказывать, четко следуя логической линии, как бывало всегда, когда ей нужно выступить публично. И про сон рассказала, и про сделанные выводы, и про то, как, услышав крики, пошла на пляж, и что было потом.

– Это же опасно, – заметил Антон. – Луша, как ты могла так рисковать? Почему ты мне не позвонила?

– Ночью? Из-за того, что мне что-то послышалось?

– Ладно, это уже случилось. Просто пообещай, что больше ты никогда так не поступишь.

Вид у него был такой серьезный, что Лика даже улыбнулась. Вырос мальчик, ой как вырос!

– Хорошо, обещаю.

– Ладно. Теперь давай рассуждать логически. Я бы разделил эту ситуацию на две части: то, что произошло двадцать лет назад, и то, что сейчас. Основной вопрос: ты вспомнила, что произошло тогда на пляже или тебе это приснилось? Не торопись, подумай, это важно.

– Мне это приснилось, – призналась Лика, помолчав. – То есть когда я проснулась, я была уверена в том, что все именно так и было, потому что это все объясняет. Но гарантировать это на сто процентов я не могу. Обрывочные воспоминания всплывают в голове постоянно, но они не соединяются в общую картину. А сон был связным и очень подробным.

– Хорошо, – продолжил Антон. – Идем дальше. Сколько времени ты отсутствовала на пляже?

Лика снова подумала.

– Мне всегда было трудно оценивать время. От берега, где я оставила ту женщину, до отеля я бежала. Это максимум минуты две.

На то, чтобы разбудить Ирину и заставить ее позвонить в полицию, ушло еще две минуты максимум. Приехали они минут через семьдесят. Итого, будем считать, минут пятнадцать. Еще пять добавляем на мой рассказ и дорогу до пляжа.

– Нет, не добавляем, – покачал головой Таланов. – Когда вы вышли из калитки на Пляжную улицу, на ней уже никого не было. Значит, преступник уже подогнал машину, оттащил тело с песка на дорогу, засунул его в багажник и уехал. На все это у него было пятнадцать минут, вполне достаточно.

Лица с благодарностью смотрела на человека, который не крутил пальцем у виска и не говорил ей, что она просто слишком впечатлительная дурочка, принявшая сон за реальность. Женщина на пляже была не сном, а явью. В этом Лица нисколько не сомневалась. Ей не показалось и не привиделось.

– Как, ты говоришь, фамилия полицейского, который приезжал на место преступления?

– Капитан Спиридонов.

– Вадька.

– Ты его знаешь?

– В одном классе учились. Вот что, я ему вечером позвоню.

– Зачем? Чтобы он сказал, что какая-то ненормальная переполошила всех ночью из-за несуществующего трупа?

– Нет, чтобы он поднял сводки и проверил, не значатся ли в нем исчезнувшие женщины тридцати пяти лет. Если эту женщину убили, а тело спрятали, то ее вполне может кто-то искать, понимаешь?

– Да, понимаю. Но времени слишком мало прошло. Заявления об исчезновении людей принимают, если я не ошибаюсь, только через двое суток.

– Официально да, но тревогу люди начинают бить, как правило, раньше. Вдруг кто-то обращался? Женщина не пришла домой ночевать, вполне себе повод панику поднять.

– Антон, а ты можешь попросить своего одноклассника узнать, а где сейчас те преступники, которых осудили за убийство Регины и

еще четырех мужчин? Им тогда дали по десять лет, они давно уже должны были выйти на свободу. Вдруг кто-то из них вернулся в Сестрорецк и взялся за старое?

– Да, разумная мысль. – Антон с уважением посмотрел на Лику, и ей отчего-то стало приятно высказанное им одобрение, как будто это она была маленькой девочкой, а он взрослым мужчиной, смотрящим на нее сверху вниз. – Попрошу.

– И еще вопрос. Просто я плохо знаю Сестрорецк, особенно нынешний. Увезя с пляжа мертвое тело, этот человек должен был где-то его спрятать. Не домой же к себе он труп унес. И по городу ездить с мертвой женщиной в багажнике тоже не будешь. Остановят еще, не дай бог. В округе есть места, где можно спрятать труп?

Теперь взгляд Антона стал внимательным, острым.

– Луша, я не понял, ты хочешь этот труп найти, что ли?

– Я хочу понять, что случилось двадцать лет назад и какое отношение то старое происшествие имеет к тому, что я видела вчера собственными глазами. Я ради прошлого сюда приехала. Но сделать я это не могу, потому что мне никто не верит. И если для того, чтобы доказать свою правоту, мне надо найти тело, то я готова его поискать. Не думаю, что мест, где его можно спрятать, так уж много.

– Много, – пожал плечами Антон. – Зброшенных дач, к сожалению, еще достаточно. Но ты права, вряд ли преступник увез тело далеко. Это довольно опасно, особенно если ты не планировал убийство заранее и действуешь в спешке.

– А почему ты думаешь, что он не планировал убийство заранее?

– Да потому что тогда его вряд ли совершили бы на пляже, где убийца мог попасться кому-то на глаза. Нет, он действовал не по заранее продуманному сценарию. Скорее всего, он убил эту женщину в приступе ярости, неожиданно для самого себя.

– Да, ты прав, – согласилась Лика. Ей было ужасно интересно. Сыщицкий азарт, вот как это называлось. – Я об этом не подумала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Людмила
МАРТОВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

**СТЕРЕТЬ
ИЗ ПАМЯТИ**

*Настоящая
любовь
не оправдает
подлость...*

Примечания

1

Цит. здесь и ниже из песни Нюши «Не боюсь».

[Вернуться](#)